

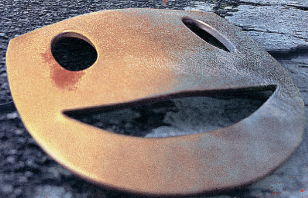
СТЕФАН АНХЕМ

МИНУС

18°

УНИКАЛЬНЫЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН НА ВСЕ
ВРЕМЕНА.

GONG, GERMANY

Стефан Анхем
Минус восемнадцать
Серия «Триллер по-скандинавски»
Серия «Фабиан Риск», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56290058
Минус восемнадцать: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-110423-8

Аннотация

В Швеции на пристани города Хельсинборг машина директора крупной айти-компании на полной скорости слетает в море. Фабиану Риску удастся установить, что этот человек умер вовсе не во время утопления: его убили двумя месяцами ранее, после чего тело хранилось в морозильной камере при температуре минус восемнадцать градусов. Выясняется, что в течение двух месяцев множество людей видели погибшего миллионера, хотя все это время он был мертв. Вскоре становится известно о нескольких аналогичных преступлениях.

Тем временем в Дании Дуня Хугор сталкивается с преступниками совсем иного рода. Несколько человек развлекаются тем, что убивают по ночам бездомных людей, снимают это на камеру, а потом выкладывают в интернет.

Два этих дела оказываются связаны. Но как именно? Удастся ли Дуне и Фабиану привлечь преступников к ответу?

Содержание

Пролог	7
Часть I. 9–15 мая 2012 г.	13
1	13
2	22
3	27
4	33
5	38
6	40
7	49
8	59
9	63
10	74
11	80
12	84
13	93
14	98
15	101
16	115
17	121
18	130
19	139
20	143
21	146

22	149
23	155
24	163
25	172
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Стефан Анхем

Минус восемнадцать

Stefan Ahnhem

ARTON GRADER MINUS

© Stefan Ahnhem 2016

© Серебро Е., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

28 октября 2010 г.

Уже было больше полуночи, когда такси притормозило и остановилось у дома. Отдав водителю две пятисотенные купюры, мужчина вышел из машины, не дожидаясь сдачи. Со стороны иссиня-черного пролива Каттегат с силой дул ледяной колючий ветер, и мужчина почувствовал соленый привкус волн, набегавших в темноте на пирс в сорока метрах от него.

К тому же на дороге образовалась тонкая корка льда – значит, температура опустилась ниже нуля. Поэтому мужчина обогнул такси, открыл заднюю дверцу и помог своей спутнице выйти из машины, чтобы она не поскользнулась на своих опасных для жизни высоких каблуках.

Еще тридцать метров, подумал он, захлопнув за ней дверцу. Еще тридцать метров надо производить впечатление приятного и надежного, но при этом не слишком навязчивого человека. Внушать ей чувство, будто она целиком и полностью сама приняла решение поехать с ним к нему домой.

Женщина вздрогнула, запахнула правой рукой короткий меховой жакет и позволила ему взять себя за левую руку и повести в дом. Это хороший признак. Особенно с учетом того, как тяжело ему дался ужин. Ему пришлось прибегнуть ко всем своим уловкам, чтобы она не раскусила его, не почуяла

фальши в его улыбке и не встала из-за стола.

Точно как договаривались, они встретились в Гранд Отеле Мёлле. Она ждала его в лобби гостиницы на кожаном диване, держа в руке бокал и скрестив длинные стройные ноги. Его сразу же поразило, что она выглядит абсолютно как на фото. Именно так он и представлял себе короткую, почти мальчишескую стрижку на темных волосах, темно-красные губы и высокие скулы. Даже лицо, которое, как он полагал, было отретушировано в фотошопе, смотрелось так, будто его никогда не подставляли разрушительным лучам солнца.

Очень редкий случай. Действительность, как правило, разочаровывала. Вопрос заключался в том – насколько. Потрескавшаяся кожа, неухоженные брови и складки жира, которые никак не удавалось скрыть под просторной одеждой. Иногда оригинал так сильно отличался от фото, что мужчина разворачивался и уходил, не успев толком поздороваться.

Но в этот вечер, как уже было сказано, ему пришлось побороться. Теперь, шагая по плиточной дорожке с автоматическим освещением, он решил, что в эту ночь как никогда заслуживает получить удовольствие. Такое удовольствие, что она минимум неделю не сможет ходить. Но сначала ему надо подстраховаться. Без этого много не сделаешь. Поэтому он остановился там, где фонари светили ярче всего, а камера наблюдения брала только один ракурс, и повернулся к ней.

Женщина встретилась с ним взглядом, и в ответ он прижал свои губы к ее. Ей не надо было отвечать на поцелуй. До-

статочно, что она позволила себя поцеловать. Если она не оттолкнет его и не даст ему пощечину, у него будут все необходимые доказательства того, что все произошло добровольно и что обвинения против него не что иное, как пустые выдумки задним числом с целью заполучить деньги. Иными словами, скоро он сможет делать с ней что хочет.

Мужчина помог своей гостье снять меховой жакет и провел ее в дом. Как и большинство, доходившие до этой стадии, женщина не смогла скрыть восхищения удобной планировкой, открытым камином с уже разожженным огнем и сделанной на заказ дизайнерской мебелью. И картинами, по сравнению с которыми любой вернисаж в доме культуры Дункера в Хельсингборге казался выставкой детсадовских рисунков.

Он предложил ей что-нибудь выпить в нижнем баре, заверив ее, что никто так хорошо не делает мохито, как он. Она просияла и спустилась за ним вниз по лестнице. Он пропустил ее вперед, и они пошли по выложенному белой плиткой коридору мимо спа. Дальше по его указанию она вошла в проем слева от встроенного книжного стеллажа в самом конце коридора.

Женщина сделала, как ей велели. Но, войдя в комнату без окон, повернулась к нему с недоумевающим видом, точно как все остальные до нее. Все недоумевали – а где же обещанный бар?

Вместо бара в комнате стояла большая кровать с четырьмя мощными металлическими кольцами с крепежными рем-

нями, прикрепленными к тросам, которые, в свою очередь, были натянуты вдоль стен и потолка с помощью зубчатых блоков. Все было выкрашено в белый цвет, чтобы не привлекать внимание.

Борьба оказалась тяжелее, чем он ожидал. Он не собирался портить ее красивое лицо. Во всяком случае, пока. Она упала навзничь на кровать, и, закрепляя трос на ее запястье, краешком глаза он заметил, что у нее из носа течет кровь. Она слишком обмякла, чтобы успеть отреагировать и оказать сопротивление, и спустя несколько секунд он зафиксировал ей руки и ноги. Теперь он мог спокойно придать ей нужное положение.

Мужчина ожидал, что она, как и все остальные, будет изо всех сил пытаться высвободиться. Но она просто лежала и смотрела на него, вытянув руки и раздвинув ноги, словно просила сделать ей больнее. Зачем же разочаровывать даму?

Он открыл шкаф, где лежали все игрушки и инструменты, которые он собирал годами, достал портняжные ножницы и недавно купленный кляп, закинул его женщине в рот, подтянул ремни. По-прежнему никакого сопротивления. С одной стороны, просто мечта. С другой – сопротивление обычно весьма обостряет ощущения.

Оседлав свою гостью и срезав с нее одежду, мужчина встал на кровати и стал рассматривать ее голое тело – стройное и хорошо натренированное, правда, немного слишком худощавое на его вкус. Бедра, как и прическа, были почти

мальчишескими, а над животом в такт ее дыханию поднимались и опускались контуры мышц. Настоящая фитнес-маниячка. Грудь наверняка была бы на два размера больше, если бы она не испортила ее тренировками. Но руки ему понравились. Почти само совершенство: четко очерченные бицепсы и трицепсы. И лобок. Он любил хорошо выбритые лобки, а этот был такой гладкий, словно на нем никогда не росло ни волоска.

Он провел взглядом по телу женщины и встретился с ней глазами. Ее взгляд сбил его с толку. Она полностью находилась в его власти, понятия не имея, что ее ждет. И, тем не менее, в ее глазах светилось абсолютное спокойствие. Она этого хотела. Однозначно. Он плюнул в нее – плевок попал ей в скулу и стал стекать вниз. По-прежнему никакой реакции. Он опять сел на женщину, зажал правый сосок между большим и указательным пальцем и держал так до тех пор, пока на большом пальце не побелел ноготь.

Вот. Наконец-то он уловил боль и промелькнувший страх во взгляде. Довольный и уверенный в том, что ему удастся сломить ее, он вышел из комнаты и пошел в спа, где стянул одежду, справил нужду и принял душ. Он намылил все тело и сделал воду такой горячей, что у него стала гореть кожа.

Вытершись и почистив зубы, мужчина положил губку в миску, налил туда теплую воду и гель для душа и вернулся в комнату без окон. Нажатием на пульт бесшумно закрыл проем за собой и увидел, как она смотрит на губку, с которой

капало, в его руке. Он забрался на кровать и принялся ее мыть. Эта процедура завела его, и свободной рукой он помог члену встать, пока в жилах не запульсировала кровь.

Достигнув желаемого результата, мужчина бросил губку на пол и наклонился, чтобы попробовать женщину. Но не успел он высунуть язык, как получил удар.

От боли и громкого звона в правом ухе его голова словно онемела. Ему казалось, что она в любой момент может оторваться и упасть на пол.

Он ничего не понимал. Что случилось? Она его ударила? Нет, это невозможно. Она же привязана. Он провел рукой по ноющему уху и по корням волос прямо над ухом. Крови вроде бы не было, но он четко ощущал, как растет пульсирующая шишка.

И тут он увидел, что один из тросов болтается. Он был разрезан. Но каким образом... В ее руке не могло быть плоскогубцев, но они там были. Откуда она их взяла? В другой руке она держала резиновый молоток. Это его инструмент? Он стал вспоминать содержимое шкафа, но успел дойти только до коллекции хлыстов, как она нанесла еще один удар резиновым молотком. На этот раз удар был таким сильным, что мужчина больше не чувствовал боли и, потеряв сознание, рухнул на нее.

Часть I. 9–15 мая 2012 г.

Парадокс Тесея

В греческой мифологии воин Тесей спас четырнадцать мужчин и женщин, которых должны были принести в жертву Минотавру, чудовищу с головой быка, на острове Крит. В память о его геройском поступке сохранили корабль, на котором он вернулся в Афины. Скоро судно стало символом того, что даже невозможное возможно.

Но силы природы подтачивали корабль, который с годами все больше ветшал и изнашивался, и, когда сгнило слишком много досок, было решено заменить самые непригодные.

В конце концов, все части корабля были заменены новыми. Тогда возник вопрос: а это действительно тот же корабль, что и вначале? Это по-прежнему корабль Тесея?

1

Начальник криминальной полиции Астрид Тувессон испытала сожаление, как только вышла из дома и заперла дверь. Внутри шторы защищали от яркого весеннего солнца, которое на улице светило гораздо сильнее, чем она ожидала.

Если она быстро не найдет в сумке солнечные очки, ее голова наверняка расколется от боли. Она уже представила себе, как Ингвар Муландер и его люди ставят здесь оцепление и забирают то, что от нее осталось. Вот, наконец, те самые очки, в царапинах и со следами пальцев.

Черт... Внезапно ей приспичило пописать. Как же она иногда уставала от самой себя. Как это на нее похоже – не сходить в туалет, пока она не вышла из дома и не бросила ключи в сумку, где их, конечно, теперь совершенно невозможно найти. Эта сумка хуже мага Джо Лаберо. Сколько ни ройся, чтобы отыскать ключи, все равно не найдешь. Ключи исчезли, вероятно, навсегда, признала она, после чего спустила брюки и трусы и села на корточки на клумбу.

Это все равно ее сад, тут она может делать абсолютно все, что взбредет в голову. Если что-то кому-то не нравится, всегда можно позвонить в полицию. Ее так рассмешила эта мысль, что струя между ног хлынула, как из дизайнерского фонтана.

На самом деле, она не могла понять, почему просто не осталась дома, как собиралась, а заставила себя сесть за руль и повернуть зажигание. Она ведь взяла больничный только в понедельник три дня тому назад, что не идет ни в какое сравнение с некоторыми ее коллегами.

В каком-то смысле виноват был этот идиот Гуннар. Если бы не он, ничего бы не случилось. Она бы ходила на работу и общалась с людьми, а не так, как сейчас, лежала дома и... Но

тут ударили по кузову, и она нажала на тормоза. Что происходит? Она поправила зеркало заднего обзора и быстро поняла, что все дело в почтовом ящике. Этот идиот сам настоял на том, чтобы укрепить его, и залил в основание так много бетона, что почтовый ящик без проблем переживет третью мировую войну. Только этого не хватало. У нее не было сил даже задуматься о том, как машина выглядит сзади.

Тувессон несколько раз дала задний и передний ход, пока ей не удалось свернуть на улицу Сингёгатан и как можно быстрее уехать, чтобы никто из соседей не успел выйти и уставиться на нее. Это она и имела в виду. Все, все плохое в ее жизни происходило только по вине этого идиота Гуннара.

Она повернула налево к выезду на трассу E20, ведущую в северном направлении, вдавила прикуриватель в машине и вынула последнюю сигарету из пачки, втиснутой в дверную ручку. Зажгла кончик сигареты и затянулась так глубоко, насколько позволили легкие; выехала на шоссе и прибавила скорость.

Всего лишь несколько лет назад она хотела уйти от него. Она была главой семьи, а он так встал ей поперек горла, что от одного его вида у нее портилось настроение. Но муж цеплялся за нее, и ее угасшая любовь медленно, но верно перешла в презрение. Вскоре она превратилась в ненавидящего монстра, и когда он, в конце концов, сделал единственно правильный поступок и ушел от нее, все оказалось не так, как она ожидала. Абсолютно все.

Когда раздался хлопок, Астрид не сразу поняла, что случилось. Боковое зеркало с ее стороны вылетело из держателя, повисло на тонких проводах и стало биться о кузов, как сумасшедший дятел. И тут прямо перед собой она увидела красный БМВ. Тувессон посигналила, но никакой реакции не последовало – водитель только прибавил скорость и рванул вперед. Проклятие, так легко он не отделается. Она нажала на газ и скоро догнала БМВ.

Больше всего на свете она ненавидела недавно разбогатевших мелких мужчин на дорогих автомобилях. Астрид не сомневалась, что это мужчина и что он во всех отношениях мелкий. Обогнав его по внутреннему ряду, она вырулила обратно на внешнюю полосу, включила аварийку, и, замедлив ход, показала свое полицейское удостоверение. Будто он мог его видеть. Но один черт. Он должен остановиться, и тогда она ему покажет.

Но БМВ выехал на внутреннюю полосу и обогнул ее, словно на свете нет ничего легче. Но какого дьявола? Теперь, черт возьми, я объявляю ему войну. Настоящую войну. Она высунула левую руку из окна, сорвала боковое зеркало и, плотно прижав педаль акселератора к засранному резиновому коврику, погналась за красной машиной.

Буквально через минуту Тувессон разогналась, значительно превысив дозволенную скорость. Ее «Тойоту-Короллу» трясло, и машина всячески показывала, что больше не хочет принимать участие в погоне. Но Астрид полностью

владела ситуацией, а водить умела, как бог, если можно так сказать о самой себе. Проехав развязку Хельсингборг-южный, она поравнялась с БМВ, мигая всеми фарами.

Но у БМВ не было никакого желания снижать скорость. Наоборот, водитель прибавил ход. Он явно не понимал, с кем имеет дело. Астрид засунула руку в сумку на пассажирском сиденье. Где-то лежит мобильный, в этом она уверена. Ага, она нащупала ключи от дома. Естественно, они нашлись именно сейчас.

Она выудила телефон и стала искать глазами изображение камеры. Где оно там. Проклятый «самсунг». Как же она его ненавидела. Не говоря уж о том безусом продавце, который, как упрямый попугай, твердил, что *Android* намного лучше *iOS*. В конце концов она сдалась, только чтобы прекратить эту тягомотину. Но сейчас телефон явно включился. Каким чудом ей это удалось, она понятия не имела.

Тувессон навела камеру телефона на машину перед собой и обнаружила, что съезжает прямо на обочину. Она вскрикнула и изо всех сил нажала на тормоз, отчего машину занесло, и та завалилась на бок. Через долю секунды раздалась какофония сигналящих машин и ревущих грузовиков.

Все кончено – больше ей ничего не пришло в голову. Ее жизнь закончилась, и, может быть, к лучшему. Она все равно только неудачница, от которой за версту несет климаксом и которая позорит честь мундира.

Но ее руки отказывались сдаваться и пытались выравнять

машину, одновременно снижая скорость. То же самое касалось правой ноги, которая до упора жала на газ. Словно в невероятной компьютерной анимации ей удалось справиться с управлением. Она во все горло закричала от счастья, но уже через секунду попыталась успокоить себя, повторяя как мантру, что все под контролем.

Теперь до красной машины ей оставалось пятьдесят метров, и, подняв мобильный с пола и опять попытавшись сделать снимок, она увидела, как БМВ притормозил и свернул на съезд в сторону Элинеберга и Роо. Сейчас она его догонит, и тогда берегись.

Из-за нее или из-за пробки до самой развязки, но водитель БМВ передумал и на скорости выехал обратно на трассу, явно нисколько не собираясь замедляться, хотя они направлялись прямо в самый центр Хельсингборга.

И только когда на шоссе Мальмёледен они поравнялись со старым полицейским участком, водитель немного сбросил скорость, хотя красный свет на Садовой улице, судя по всему, его нисколько не трогал. Тувессон никак не собиралась уступать ему и, сигналя, проехала перекресток. И тут она услышала полицейские сирены. Вау, полицейские в форме проснулись. Значит, пора.

В зеркале заднего обзора она увидела, как вплотную к ней подъехала разрисованная машина. Она знаком велела им успокоиться. Нет уж, она не позволит им вмешаться и взять инициативу в свои руки. Она сама должна проучить этого

клоуна.

Круглый фонтан высотой примерно в двадцать сантиметров на самом деле не был настоящим фонтаном, а больше напоминал увеличенную летающую тарелку синего цвета из расколотых плиток. Из отверстия посредине вытекала вода, струясь по обломкам кафеля и постоянно оmyвая всю конструкцию. Астрид Тувессон никогда не нравился этот фонтан, а тем более сейчас, когда словно из ниоткуда возник левый поворот на Портовую площадь. Ничего не помогло, хотя она отшвырнула мобильный и попыталась выкрутить руль.

Высота и скругленный край прекрасно сработали вместе с углом приложения силы и скоростью «короллы», которая в результате перевернулась на бок и поцарапала крышу о плитку. Когда машина, проехав несколько метров, словно беспомощный жук на спине, остановилась прямо на велосипедной дорожке, Астрид отстегнула ремень безопасности и выкарабкалась из салона.

Проклятие... В голове стучало, а в глазах... Не то двоилось, не то просто рябило, она не знала. Во всяком случае, ничего хорошего. Он уйдет. Она чувствовала, что этот гад просто продолжит идти по жизни, словно ничего не случилось. Словно это всего лишь проклятая игра.

Она посмотрела вслед красной машине, которая собиралась взять вправо в сторону Королевской улицы, а потом, вероятнее всего, повернуть еще два раза направо, чтобы поехать в противоположном направлении. Но БМВ вовсе не

свернула, а продолжала ехать прямо вперед мимо ночного клуба, расположенного в старой паромной станции, и дальше к кромке набережной.

Что он делает? Астрид побежала по булыжникам к набережной. Перед глазами ходило ходуном, словно был праздник середины лета, и она пошла ва-банк, играя в пьяную лапту. Несколько раз она чуть было не споткнулась и поняла, что, наверное, ударилась головой куда сильнее, чем думала. Но это подождет.

БМВ перемахнул прямо через кромку набережной и пролетел несколько метров по воздуху, пока не ударился о воду. Тувессон продолжала бежать, теперь видя, что с разных сторон туда же спешили люди, собираясь вместе. Сама она остановилась за несколько метров до цели, перевела дух и откашлялась.

– Внимание, полиция, – произнесла она, стараясь придать своему голосу командные нотки. – Мы будем ставить оцепление, поэтому попрошу вас отойти как минимум на двадцать метров в сторону!

Большинство повернулось к ней.

– Да, я к вам обращаюсь! Давайте разойдемся как можно быстрее, – продолжила она, жестикулируя обеими руками.

Почти все расступились, и теперь она увидела, как задняя часть машины исчезла в темной воде.

– Вас это тоже касается. – Она показала на последних задержавшихся зевак, которые не хотели трогаться с места, и

сама подошла к кромке набережной.

От водителя и след простыл. Во всяком случае, видно было только множество пузырьков, поднимавшихся на поверхность. По-хорошему, ей бы надо было прыгнуть, но она не справится. Она никогда не чувствовала себя комфортно в воде, и к тому же она...

– Астрид Тувессон? – Она вздрогнула и почти потеряла равновесие, повернувшись к полицейскому в форме. – Могу я попросить вас дыхнуть вот сюда? – Он протянул ей алкотестер.

Теодор Риск забрался на скамейку, сел на спинку и оглядел пустой школьный двор, выуживая сигарету из пачки вопреки табличке, гласившей, что курение запрещено на всей территории школы. Он надел красные наушники *Beats*, которые отец подарил ему на Рождество, и нашел в мобильном песню *Ace of Spades* группы *Motörhead*. Еще минута, и спокойствие все равно будет нарушено – его одноклассники с криком выбегут во двор после сдвоенных занятий по физкультуре.

Сам он провел последний час у психотерапевта, которая, как обычно, болтала о том, как для него важно быть в коллективе и иметь друзей. Входить в сообщество, выражаясь красивым языком. Как всегда, он с трудом сдержал рвотные позывы – его тошнило от нее и ее уродского сконского диалекта. Черт возьми, до чего же он ненавидел этот говор губернии Сcone. Из всех диалектов этот без сомнения был самый мерзкий. Но каждую неделю он сидел на приеме, как лоботомированный болванчик, и выслушивал банальности.

Как важно, чтобы Теодор раскрылся и рассказал, каково ему в самой глубине его потайной комнаты. «Потайная комната» – ее любимое выражение номер один. «Давай войдем туда вместе», – иногда говорила она на своем тягучем говоре и протягивала руку, словно на полном серьезе ждала, что он

возьмет ее. Как будто, если он выпустит ее вовнутрь, она по-настоящему сможет ему помочь. Он вдохнул дым и покачал головой от одной только мысли. Словно кто-то когда-то сможет ему помочь.

И все же первые месяцы он слушался ее вплоть до запятой. Он рассказывал точно так, как оно есть, что он думает и чувствует. Об отношениях со своим отцом, который на полном серьезе считает, что дети у него на первом месте, хотя на самом деле его никогда нет, когда он нужен. О предательстве, когда его оставили одного дома на несколько суток. Это предательство все еще ощущалось, как открытая рана, но оно замалчивалось, словно его никогда не существовало. Теодор рассказывал о приступе паники, когда его заперли в помещении величиной с гроб, и о страхе умереть, как только кончится кислород. Как он думал, что все кончено.

Не говоря уже о шизофреническом разочаровании, которое накатило на него, когда он осознал, что выживет. Что его страдания будут продолжаться дальше. Один раз Теодор даже взял психотерапевта за руку и с закрытыми глазами согласился провести ее в потайную комнату. Несмотря на это, ее болтовня не прекращалась, словно заезженная пластинка.

Теодор не видел другого выхода, кроме как начать врать: говорить, что он заводит все больше друзей, что он становится популярным и всеми любимым. Что к нему возвращается желание жить и ему даже начинает нравиться сидеть дома, делать уроки и общаться с семьей. Он врал, что комок у него

в груди все уменьшается и что он, наконец, может опять беспрепятственно дышать.

Но теперь она явно раскусила его. Во всяком случае, она опять стала разглагольствовать о друзьях, отчего ему становилось так плохо, будто у него рак. Только она не понимала, что тех, кто хотел стать другом Теодора, хватало. Это он не хотел ни с кем дружить. Он выдохнул дым и окинул взглядом идиотов, которые начали заполнять школьный двор.

Зануды, вот кто они такие. Каждый из них – двуногий придурок, да еще с уродским диалектом в придачу. Но он умный мальчик и никого не трогает. Ни разу он не перешел грань, хотя чаще всего его так и подмывало это сделать.

Но с Александрой из параллельного класса было по-другому. Она отличалась от прочего сброда, не говорила на сконском и не хихикала с остальными девчонками. Если задуматься, она единственная, кто его никогда не раздражает. Он никому не рассказывал о своих чувствах и даже сам не был уверен, что знает, что это такое. Но что-то определенно там было, и в самой глубине потайной комнаты он предполагал, что Александра чувствует то же самое. Во всяком случае, она обычно отводила глаза, как только встречалась с ним взглядом. Так наверняка произойдет и сейчас в любую секунду.

Она стояла у шведской стенки вместе с несколькими дурочками из своего класса. Теодор, конечно, никогда не засекал время, но не сомневался в том, что она первый раз так

долго не отводила глаза. Чувство было настолько сильным, что ему пришлось сделать усилие, чтобы самому не посмотреть в сторону. Что это значит? Приглашение подойти и заговорить с ней? Вид у нее был веселый. Но что он скажет? И что ему делать с ее подругами?

Волшебство рассеялось. Но не из-за ускользнувшего взгляда, а из-за звонка мобильного, который заглушил звучащего в наушниках Лемми. Теодору даже не надо было брать телефон, чтобы узнать, кто звонит. Естественно, он звонит и мешает именно сейчас.

– Здорóво, – сказал он, пытаясь говорить нейтральным тоном, но услышал сам, что не может скрыть раздражения.

– Привет, Теодор, это папа. Как у тебя дела?

– Полный порядок.

– Рад слышать. А что у психотерапевта? Все прошло хорошо?

– Как обычно.

– О чем вы говорили?

– Па... Это между ней и мной, ты же знаешь.

– Да, но это не значит, что тебе нельзя рассказывать.

В смысле, если ты захочешь.

– Но я не хочу.

– Нет, нет, все в порядке. Теперь совсем о другом. Ты ведь знаешь, что у мамы завтра вечером вернисаж в доме культуры Дункера. Я только хочу убедиться, что ты будешь там не позднее шести.

– А это обязательно?

– Да, обязательно. А на выходные мы сделаем ей сюрприз и поедем в Копенгаген.

– Погоди, значит, я тоже должен ехать с вами?

– Да, будет классно. Ну, сам знаешь, мы остановимся в гостинице, сходим в Тиволи и полакомимся датскими хот-догами.

Теодор даже не попытался скрыть вздоха.

– Послушай, я не могу. У меня на следующей неделе три контрольные, и мне надо сидеть дома и зубрить, – сказал он, хотя только первая половина была правдой. С другой стороны, для него в тысячу раз лучше было сидеть дома и делать уроки, чем проводить целый выходной со своей семьей.

– Ну ладно, продолжим этот разговор сегодня вечером. Может быть, я чем-то сумею тебе помочь. Как приятно слышать, что прием у психотерапевта прошел хорошо.

Теодор своим молчанием дал понять, что он об этом думает, и через три минуты после вынужденной болтовни ни о чем они наконец смогли закончить разговор, и Лемми снова взял слово.

Эйнар Грейде попробовал дымящийся ройбуш, который с утра настаивал в чайнике, чтобы придать чаю тот особый насыщенный вкус, которым отличается только чай со вкусом мадагаскарской ванили. В отделении судмедэкспертизы, находящемся в катакомбах больницы Хельсингборга, пришло время кофе-паузы. И хотя Грейде считал, что кофе-пауза – самое бессмысленное занятие в течение рабочего дня, ему было особенно нечего делать, кроме как готовить прекрасный чай.

Уже была среда, и пока что на этой неделе к нему поступило только три человека, причины смерти которых не вызвали никаких сомнений, так что решение врача о вскрытии было пустой тратой денег налогоплательщиков. Но Эйнар выполнил свою работу по всем правилам искусства и написал в своем отчете заведомо очевидные ответы. К тому же он успел очистить компьютер от старых мейлов, убрать свой кабинет и заменить афиши фестиваля Вудсток на новые яркие фотографии старых фольксвагенов, которые они с Францем купили в Берлине. Вопрос заключался в том, чем ему занять себя два с половиной часа, которые останутся до конца смены после кофе-паузы. Не говоря уж о целом завтрашнем дне и последующей за ним пятнице.

С лета 2010 года не случилось ничего, что могло бы вы-

звать у него интерес, а ведь прошло уже почти два года. Не потому, что он желал кому-то зла. Наоборот. Но ему было страшно скучно. Он чувствовал себя фитнес-маньяком, которому полгода не дают двигаться. У него ссыхался мозг, грозя совсем скукожиться. Два года тому назад уничтожили почти целый класс, и ему приходилось заплетать так много косичек – одну за каждую жертву – что, в конце концов, он стал выглядеть, как белый близнец Снупа Догга. Теперь он завязал волосы в безжизненный серый хвост и начала всерьез подумывать о том, чтобы подстричься.

Его коллега Арне Грувессон, естественно, уже сбежал с корабля и взял отгулы до конца недели. Он даже не успел толком перекусить – так спешил сделать покупки для какой-то конфирмации или типа того. «Классно, что ты остаешься», – крикнул он из коридора и добавил, что в случае чего ему можно звонить по мобильному.

Словно он будет звонить Арне *в случае чего*. Словно ему когда-нибудь придет в голову обратиться к этому ничтожеству. Эйнар уже давно оставил надежду разгадать тайну, почему Арне вообще стал патологоанатомом. Мягко говоря, это халатность. Говоря точнее, разгильдяйство. А по-хорошему – полная бездарность.

Грувессон всегда что-то пропускал. Это было скорее правилом, чем исключением. В основном это касалось какой-нибудь маленькой детали, которая все равно не влияла на установление причины смерти. К счастью, не надо быть

Эйнштейном, чтобы констатировать тяжелую травму черепа и внутренние кровотечения или вспоротый живот после автомобильной катастрофы, в результате которой произошла трагедия.

Но иногда коллега пропускал гораздо более серьезные вещи. Например, два года тому назад в ходе следствия он предположил, что одна из жертв Торгни Сельмедаля погибла в обычной автокатастрофе, хотя оба ее глаза оказались сожжены и так повреждены, что это никак не могло быть последствием самой катастрофы. Наоборот, катастрофа произошла из-за повреждения глаз.

Сегодня к ним поступила новая жертва автокатастрофы, которой предшествовала эффектная погоня на автомобиле в центральной части города, окончившаяся на дне моря. По иронии судьбы и словно по мановению дирижерской палочки в Божьих руках, тело, естественно, поручили Грувессону, а Эйнару досталось увлекательнейшее занятие: обследовать покойную Герду Нильссон девятиного четырех лет.

Мысль зрела всю вторую половину дня, но только сейчас расцвела пышным цветом. А почему бы и нет? Ему все равно нечем заняться, и поэтому он допил остывший чай ройбуш и вышел из комнаты отдыха.

В отчете все было предсказуемо. Токсикологический анализ выявил содержание алкоголя в целых 2,75 промилле, что, конечно, подкрепляло версию об управлении транспортным средством в состоянии сильного опьянения, —

жертва утонула, ударившись и потеряв сознание, когда машина коснулась поверхности воды. Что подтверждали и сильные повреждения на лице. Вероятно, дело так и обстояло, но, как уже говорилось, Эйнару все равно было нечем заняться.

Грейде приложил свой пропуск, открыл дверь в морг и вдохнул прохладный сухой воздух, направляясь к стене с холодильными камерами. Он открыл и выдвинул камеру, помеченную Грувессоном надписью «Петер Брисе» и сегодняшней датой. Эйнара сразу же поразило, что обе ноги у покойного согнуты, как у эмбриона. Словно трупное окоченение по-прежнему сковывало члены, хотя холодная вода, наоборот, должна была его ослабить.

К тому же он заметил, что тело не повреждено. Странно – ведь машина наверняка коснулась поверхности воды на довольно высокой скорости. А на левом плече вообще не было следа от ремня безопасности, который всегда остается при сильных столкновениях. Особенно в тех случаях, когда не раскрывается подушка безопасности, что происходит чаще, чем можно подумать. Грувессон, конечно, не удосужился выяснить, как было в этом случае.

В отличие от тела, лицо было настолько поврежденным и распухшим, что опознание пришлось производить другим способом. Повреждений было более чем достаточно, чтобы мужчина, с виду весивший не больше семидесяти пяти килограмм, мог потерять сознание. И точно, как утверждал Гру-

вессон в своем скудном отчете, похоже, самый сильный удар пришелся на левую скулу, где была открытая рана прямо под глазом. Обычно Грувессон совершал классическую ошибку, путая право и лево.

Наоборот... или, может быть, все же нет. Грейде выбросил мысль из головы, наклонился вперед и принялся тщательно рассматривать рану. Она выглядела довольно чистой, крови было совсем немного. В принципе в этом не было ничего удивительного, поскольку тело пролежало в воде час или два. Только странно, что кровь почему-то казалась засохшей.

Эйнар взял скальпель и осторожно поскреб им край раны. Действительно, кровь засохла. Как так могло получиться? Он не находил ответа, но явно почувствовал, как по телу пробежала дрожь. У него уже начала зарождаться идея, но, чтобы удостовериться, ему требовалось сделать несколько анализов. Может быть, тело приняло позу эмбриона вовсе не из-за трупного окоченения.

У Эйнара участился пульс, в крови вскипел адреналин. Вытащив из нагрудного кармана гемостатический пинцет, он направил внимание на нижнюю часть торса, где, несмотря на удобу покойного, имелись жировые запасы. Скальпель легко вошел в плоть, и, сделав несколько хорошо продуманных разрезов, Эйнар пинцетом взял образец ткани величиной с кусок сахара.

Словно его подгоняли, Эйнар поспешил по коридору в лабораторию, где срезал очень тонкий кусок с биопсии, поме-

стил его на середину стекла объектива, положил сверху покровное стекло и включил микроскоп.

Вскоре он убедился, что его подозрения верны. Он установил причину засохшей крови, почти неповрежденного тела и позы эмбриона. Но как это произошло, сказать не мог. Но это и не его дело. И, понятно, ему придется вскрыть грудную клетку и провести основательное обследование легких, прежде чем выйти к народу и забить в литавры. Но он несколько не беспокоился, а наоборот, не сомневался в том, что Арне Грувессон опять совершил роковую ошибку и сделал неправильный вывод.

Наконец-то... У него словно упала гора с плеч, и он в прямом смысле слова почувствовал, как уголки губ больше не подчиняются закону тяготения. Наконец-то он заплетет свою первую косичку почти за два года.

Черно-белая фотография размером 180 на 135 сантиметров изображала джунгли мангровых деревьев, бесчисленные корни которых хаотично извивались по земле. К тому же покрытая свинцом рамка весила гораздо больше, чем казалось. Фабиан Риск мысленно молил, чтобы на этом они закончили, поднимая последнюю из трех фотографий серии и вешая ее на место.

Последний час поясница все больше давала о себе знать, и спазм грозил обернуться настоящим прострелом.

Но Фабиан не хотел портить настроение и говорить об этом Соне. Он здесь ради нее. Он сделал жене сюрприз, отпросившись с работы на весь день, чтобы помочь развесить работы на ее первой большой художественной выставке.

Правда, в самом маленьком из трех выставочных залов в доме культуры Дункера, но тем не менее. Это большое дело. После всех лет работы на износ и мучавших ее сомнений жена, наконец, получила шанс. Если все сложится, это будет настоящим прорывом, и с ее именем станут считаться. Поэтому Фабиану было совсем не трудно понять, как для нее важно, чтобы все было идеально вплоть до малейшей детали.

Но полицейские сирены, эхо которых раздалось между фасадами домов на Портовой площади, когда Фабиан вносил последние экспонаты, никак не оставляло его в покое,

что красноречиво говорило о том, как спокойно было у него на работе. С помощью мобильного телефона он прослушал местные новости, которые передавали по радиостанции из Мальмё. В новостях рассказывали о безумной погоне по центру Хельсингборга, окончившейся тем, что один из водителей съехал с набережной в Северной гавани прямо в воду.

Когда спустя час была обнародована личность погибшего водителя, новость быстро добралась до вещающей на всю страну радиостанции «Эхо». Петер Брисе был, без сомнения, одной из самых ярких звезд на небосклоне компьютерных технологий. За последний год оборот его фирмы «Ка-Чинг» увеличился в несколько раз, и фирме предсказывали блестящее будущее, из-за чего Фабиану все произошедшее показалось еще более странным. К тому же он не мог понять, почему ни слова не сказали о водителе другой машины.

– Небольшой перекося в правую сторону.

Фабиан очнулся от Сониного голоса и поправил раму буквально на миллиметр.

– Нет, подожди, теперь слишком много.

Едва он успел дотронуться до рамы, как Соня воскликнула, что все превосходно, и отошла на середину выставочного зала. Там она сделала глубокий вдох и обвела взглядом всю экспозицию, так медленно, что Фабиан несколько раз сумел произнести свою молитву. Она оценивала развеску работ и различные энергетические поля далеко не в первый раз.

– К сожалению, так не годится. – Она в отчаянии развела

руками. – Серия мангровых деревьев недостаточно контрастирует со снимками Эресунна. Я думаю, их лучше оставить в покое в углу вместе с напольными скульптурами.

– Ты хочешь сказать, что нам надо все перевесить. Снова. – Фабиан сразу же понял, что сказал не то, и хотел взять свои слова обратно, заменив их простым «о'кей» и, возможно, «конечно, все так и сделаем».

– Вот как. И? – произнесла Соня. По ее тону стало совершенно ясно, что он все испортил. – Ты можешь предложить что-нибудь лучше?

Конечно, может. А именно – абсолютно то же самое, что и последние три раза, когда она заставляла его начать все сначала. Но сейчас он не собирался произносить это вслух, хотя, возможно, именно так и надо поступить. Может быть, на самом деле она ждала именно этого.

Фабиан решил, что либо пан, либо пропал, но тут у него в кармане ожил мобильный. Звонил Эйнар Грейде из отдела судмедэкспертизы. То, что Эйнар звонит именно ему, могло означать только одно.

– Привет, Коса.

Что-то случилось. Что-то, выходящее за рамки обычного.

– Я по поводу жертвы в машине.

– Ты о том человеке, который съехал с набережной в Северной гавани?

– О ком еще я могу говорить?

– Коса, ты меня извини, но я сегодня выходной и знаю

только то, что передали в новостях. Я даже толком не знаю, кто такой этот Брисе, или как там его.

– Ты никогда не слышал о *Murder Snails*?

– Нет. А что, должен был?

– Мутированные улитки-убийцы, которые едят даже домашних животных. Ты вообще-то с какой планеты? – Коса так громко вздохнул, что его вздох наверняка услышала Соня, которая взяла дело в свои руки и начала снимать самые маленькие экспонаты. – Самое популярное мобильное приложение этого года. Если хочешь знать мое мнение, это совершенно гениальная игра. Но сейчас не об этом. Дело в том, что тело Брисе поступило к нам несколько часов назад. Точнее, к Арне Грувессону, который сделал вывод, что это обычная жертва ДТП.

– О'кей, но ты можешь говорить по существу? Мне надо обратно...

– И сейчас Арне снова это сделал.

– Сделал что? – спросил Фабиан, но уже через секунду понял, что все и так ясно.

– Схалтурил! – выкрикнул Коса с таким презрением, что Фабиан буквально почувствовал, как мобильный брызжет слюной. – Я осмотрел тело, и оказалось, что Петер Брисе умер вовсе не сегодня, а примерно два месяца тому назад.

– Что? Какие два месяца? Разве в машине сидел не он?

– Да, это был он, хотя когда машина наполнялась водой, он был заморожен.

– Заморожен? – переспросил Фабиан, почувствовав себя глупым попугаем. – Что значит заморожен?

– Такой же холодный и твердый, как разделанная баранья туша в моей кладовке.

На первый взгляд это был совершенно обычный весенний день на тихой пешеходной улице Хельсингёра по другую сторону пролива. Солнце в первой половине дня сияло, словно уже наступило лето и можно уходить в отпуск. По булыжной мостовой прогуливались не чующие беды пешеходы, переходя из магазина в магазин.

Но что-то было не так, и хотя большинство понятия не имело, в чем дело, подсознательное беспокойство распространилось по пешеходной улице, как холодный ветер. Ребенок выронил свое мороженое и начал кричать и плакать. Пожилой женщине показалось, что проходящий мимо мужчина украл у нее кошелек, и она с криком бросилась за ним. Мать оглядывалась по сторонам в поисках своей дочки, которая только что скрылась из виду. Хотя никто не мог точно назвать причину, но атмосферу как подменили.

И только около магазина фирмы Телиа напротив фахверкового дома люди собственными глазами могли видеть, что случилось. От увиденного они инстинктивно отходили в стороны и прижимались к стенам домов. Подобно морю, которое расступилось, прогуливающиеся по улице люди образовали коридор.

И тут появилась она.

Некогда белая футболка теперь была заляпана засохшей

кровью. Кровь была и на лице, и на руках вплоть до покрытых ранами предплечий. Ее взгляд все время блуждал по сторонам, словно она хотела удостовериться, что все держатся на расстоянии, пока она идет вперед.

Именно это люди и делали. Некоторые даже спрятались в боковых улицах, другие теснились к фасадам домов. Маленькая группа стала шутить и смеяться, одновременно оглядываясь в поисках скрытых камер. Но камер не было.

Что бы ни происходило, это было всерьез.

– Был заморожен два месяца назад? – Утес сделал гримасу, словно с круассаном, который он только что запихнул в рот, было что-то не так. – Ты шутишь?

– Не шучу, если верить Косе. – Фабиан встал и сжал бедра, пытаясь смягчить боль в копчике. Весь вчерашний день он считал, что это вполне приемлемая плата за то, чтобы показать Соне, что он действительно хочет ей помочь. Теперь он не был полностью уверен. Правда, жена, в конце концов, осталась довольна и даже угостила его пиццей в качестве благодарности за помощь, но за этим ничего не последовало.

– О'кей, объясните кто-нибудь, я совершенно ничего не понимаю. – Утес потянулся к хлебной корзинке с круассанами. Но Хуго Эльвин, как минимум такой же круглый, как Утес, хотя на две головы ниже коллеги, успел первым и отставил корзинку.

– Может быть, кто-то еще захочет.

– Извини, я думал, что все уже взяли. – Утес поднял руки в знак извинения.

– Так и есть. Но никто не съел столько, сколько ты, – сказал Эльвин и демонстративно взял один круассан, прежде чем поставить корзинку на место.

– О'кей, – сказал Утес, пытаясь игнорировать нападки. – Так на чем я остановился?

– На том, что ты ничего не понимаешь, – напомнил Эльвин, жуя круассан.

– Именно. Я хочу сказать, что Петер Брисе никак не мог быть мертв. Ведь он же, черт возьми, сам сидел за рулем. Или я совсем не прав?

– Нет, я тоже не знаю, – сказал криминалист Ингвар Муландер и покачал головой. – Должен сказать, что все это действительно крайне странно.

– Ой, это на тебя не похоже, Ингвар, – отозвалась Ирен Лилья, садясь за овальный стол для совещаний и вынимая из сумки папку с записями. – У тебя обычно всегда есть наготове хорошее объяснение.

– А где доказательства того, что за рулем не сидел другой человек? – спросил Фабиан, глядя в панорамное окно вниз на приземистые строения промзоны – северного въезда в Хельсингборг. Непостижимо уродливые ворота города, в целом такого красивого.

– Я связывался с водолазами. По их словам, когда они его нашли, он сидел на водительском сиденье, – сказал Муландер.

– К тому же на набережной было полно свидетелей, которые видели, как машина ушла под воду, – заметил Утес и отхлебнул дымящийся кофе. – И если верить им и полицейским, которые находились на месте, никто не всплыл на поверхность. Иными словами, в машине был не кто иной, как Петер Брисе.

– Значит, ты считаешь, что это всего лишь несчастный случай и что он был в живых не далее, как сегодня утром, когда машина попала в воду и утонула, – резюмировал Фабиан и понял, что тоже не может объяснить, как все это связано.

– Да, – Утес кивнул. – И если я не ошибаюсь, у него в крови было довольно много промилле. Не знаю, что вы считаете, но, по-моему, это вполне приемлемое объяснение. – Он взял еще один круассан, многозначительно улыбнувшись Эльвину. – И если бы мои слова сейчас слышал Коса, он наверняка бы привязал меня голым к тотемному столбу и содрал с меня кожу. – Утес оглядел своих коллег. – Я действительно не вижу никаких вариантов, кроме того, что Эйнар в виде исключения ошибся. – Он поднес чашку ко рту и выпил кофе.

В совещательной комнате воцарилась странная тишина. Если обычно коллеги приводили контраргументы и возражения, то сейчас все молчали. И не потому что были того же мнения. Скорее, наоборот. Никто из них не верил, что Коса ошибся, считая, что Петера Брисе заморозили больше двух месяцев назад. Даже сам Утес. И тем не менее, никто не выдвинул новую версию и не подал идею для размышления.

Фабиан нашел этому объяснение: вероятно, все испытывали то же самое, что и он сам. Они еще толком не проснулись после того, как непонятная поездка Брисе по городу со смертельным исходом подняла их с мягких постелей. Вместо того чтобы изо дня в день просто отсиживаться на работе, теперь им придется снова начать думать. Им надо будет под-

вергать сомнению, анализировать и рассматривать с разных сторон каждую маленькую зацепку.

Этот случай радикально отличается от рутинного дела, которое раскрывается одной левой с девяти до пяти. Все уже почувствовали, что впереди их ждут поздние вечера, плохой кофе и изредка ночевки на работе. Это щекотало нервы, поскольку в глубине души им этого не хватало, даже если они никогда в этом не признаются.

А тут еще розовый слон, сидящий на стуле Астрид Тувессон. Все обратили внимание, что стул пуст. И тем не менее, никто ничего не сказал, даже не намекнул. Не потому, что они не знали. Подчиненные были в курсе, что их начальница пьет и что после развода с Гуннарсом осенью стало гораздо хуже. Она стала беспрерывно жевать жвачку и при любой возможности закрывать дверь в свой кабинет. А последнее время стала без конца брать больничные.

Но, вместо того чтобы обсудить это и, может быть, даже вызвать Тувессон на разговор, они делали вид, что проблемы не существует, надеясь, что все решится само собой. Кончилось тем, что они медленно, но верно стали все меньше считаться с ней. Если начальница была на месте, она, как обычно, руководила работой. Если нет, они помогали друг другу заполнить пустое пространство.

В группе не было явного лидера. На бумаге руководство перешло бы к Утесу, и иногда он делал слабые попытки взять штурвал в свои руки, хотя ни он сам, ни другие члены ко-

манды не воспринимали его попытки всерьез.

Пока что никаких особых проблем по работе не возникало, главным образом потому, что расследования, мягко говоря, носили элементарный характер. Но если Фабиан не ошибался в своих предчувствиях, скоро ситуация станет невыносимой.

В конце концов Лилья нарушила молчание.

– О'кей, пока мы еще с головой не погрузились в Брисе, хочу сказать, что у меня есть срочное дело. Ничего особенного, но поскольку последнее время у нас было не так много работы, я обещала встретиться с одной женщиной. В понедельник у нее пропал муж.

– Есть подозрения в преступлении? – спросил Эльвин.

– Это я и попытаюсь выяснить. Вероятно, найдется какая-то вполне естественная причина. Ее зовут Ильва Фридén, а его – Пер Кранс. Никто их случайно не знает?

Эльвин и остальные покачали головами.

– О'кей, тогда вопрос в том, как нам двигаться дальше, – сказал Фабиан, решив попытаться взять руководство в свои руки. – Она уже опоздала на пятнадцать минут. Никто не знает: Тувессон скоро будет?

Коллеги покачали головами и переглянулись, словно думали то же самое.

– Тогда предлагаю начать без нее. – Фабиан подошел к доске во всю стену и стер все – начиная от нарисованных Утесом человечков и напоминаний о том, чья очередь поку-

пать хлеб к кофе-паузе, до результатов рождественской викторины пятимесячной давности. – Петер Брисе. Что мы знаем о нем помимо того, что он страшно разбогател на этой игре «Улитки-убийцы»?

– Он жил на Садовой улице. – Утес протянул фотопортрет Брисе Фабиану. – А его фирма, как там она называется?

– «Ка-Чинг», – ответил Муландер и покачал головой. – Мог бы придумать название получше.

– Точно. Насколько я знаю, фирма находится в Лунде.

– Я где-то читала, что только за последние полгода число сотрудников выросло в четыре раза, а в начале февраля оборот фирмы был уже равен предполагаемому годовому, – сказала Лилья. – И все за счет маленькой мобильной игры, которая не стоит больше семи крон.

– Которая к тому же страшно скучная, – добавил Муландер.

– Могу сказать, что она вызывает зависимость, перестать в нее играть невозможно.

– Поэтому я и пробовать боюсь, – сказал Утес. – Берит несколько раз пыталась бросить, но уже через несколько часов опять начинает нажимать на экран мобильного, пока на кончиках пальцев не появятся волдыри.

– Да, но почему это так здорово, выше моего понимания, – сказал Муландер.

– Но мы все не можем не согласиться с тем, что он сказочно богат, – сказал Эльвин и закатил глаза.

Фабиан мысленно поблагодарил Эльвина, рисуя символ доллара рядом с фотопортретом, на котором Брисе в белой рубашке, с бритой головой и в очках в черной оправе больше напоминал заправского капиталиста, чем компьютерного фаната. – Что еще? У него была семья? Он был женат? Братья, сестры и так далее.

– Не женат, единственный ребенок в семье и, если хотите знать мое мнение, голубой, – сказала Лилья.

– Откуда ты это знаешь? Он о чем-то открыто заявлял?

– Нет, но достаточно сыграть в его игру. Там сколько угодно намеков. Вы бы только видели этих розовых улиток на 33-й дорожке. – Лилья покачала головой.

– Именно, – подтвердил Утес.

– Вот оно что. Значит, ты все же играешь, – Лилья улыбнулась.

– Подождите. – Эльвин откинулся на стуле – одном из двух, которые были приспособлены к его больной спине и, по слухам, обошлись налогоплательщикам в пятизначную сумму. – Вам это не напоминает Юхана Халёна? Ну, тот, который с год назад отравился газом в своем гараже.

– Ты имеешь в виду сына судовладельца? – спросил Утес. – Того, кто жил рядом с портом в Викене в нескольких шагах от меня. Настоящий дом мечты.

Эльвин кивнул.

– А ты что скажешь. Ингвар? Ты ведь тоже участвовал в расследовании, которое я вел?

– Хватит напоминаний. – Муландер пожал плечами. – Я только помню, что мы так и не нашли потайную комнату секса, которая якобы находилась у него в подвале.

– Что еще за комната секса? – спросил Фабиан.

– Вероятно, это всего лишь слухи, – ответил Эльвин. – Во всяком случае, если верить здешнему эксперту, который не смог ее найти.

– Что ты хочешь этим сказать? – Муландер с возмущением посмотрел на Эльвина.

– Только то, что даже лучшие иногда ошибаются. – Эльвин одарил Муландера улыбкой. – Я хочу сказать, что Хален, как и Брисе, был состоятельным человеком. К тому же оба единственные дети в семье и не женаты.

– О'кей, но если верить Косе, Брисе не лишал себя жизни, – заметил Фабиан.

– Не скажи, – отозвался Утес. – Кто знает, он же вполне мог заморозить самого себя два месяца тому назад и вести машину в виде привидения. – Он засмеялся и покачал головой.

– Ты действительно так уверен, что Коса ошибается? – спросила Лилья.

– Нет, я ни в чем не уверен. Но... – Утес вздохнул. – О'кей, не хочу быть занудой. Давайте считать, что Коса прав и что Брисе убили больше двух месяцев назад. Наверняка найдется столько же мотивов, сколько миллионов на его банковском счете. Но зачем, скажите на милость, держать его замо-

рожденным несколько недель, чтобы потом сбросить в воду на глазах у множества свидетелей?

Вопрос остался без ответа, и опять наступила тишина, на этот раз настолько плотная, что шум вентиляции звучал как отдаленный автопоезд на холостом ходу.

Как и все остальные, Фабиан изо всех сил пытался различить какую-то логику в этой странной истории. Но все казалось таким же непостижимым, как кубик Рубика, на котором кто-то упорно поворачивает цветные грани.

Сигнал об окровавленной женщине на улице Стенгаде в Хельсингёре поступил на все посты именно тогда, когда Дуня Хоугор и ее коллега Магнус Равн заканчивали свою раннюю утреннюю смену. Они возвращались на машине в участок после в целом спокойной ночи.

Она позволила Магнусу сидеть за рулем всю смену. Не потому, что он лучше водил, скорее наоборот. Но как только она пыталась настоять на том, чтобы взять руль, напарник начинал так нервничать, что у него перехватывало дыхание от малейшей смены полосы. И хотя они отвечали за всю Северную Зеландию и проделывали минимум двести километров за смену, машину почти всегда вел исключительно Магнус.

И как всегда в преддверии выходных, он без особых затей принялся выпытывать у нее, чем она планирует заняться. Может, она просто будет сидеть дома перед телевизором, или собирается встретиться с друзьями, или возьмет да и пойдет на танцы? Стараясь не обижать его, Дуня отвечала как можно более уклончиво и переводила разговор на другую тему. За последние полгода она в этом хорошо поднаторела.

Но на этот раз Магнус так легко не сдался. На светофоре сразу же после заправки на улице Конгевейен он повернулся

к ней и прямо спросил, не может ли он пригласить ее в Барон фон Дю, ресторан-фондю в центре Копенгагена, где можно есть столько мяса, сколько влезет. Единственное, за что надо платить дополнительно – это напитки.

После недолгого размышления Дуня решила без обиняков объяснить Магнусу, что она его очень ценит как коллегу, но на свидание с ним не пойдет. Больше она не успела ничего сказать, поскольку затрещала рация и раздалось обращение ко всем машинам, находящимся поблизости от пешеходной улицы.

– А ведь все висело на волоске. – Магнус бросил взгляд на часы, продолжая барабанить пальцами по рулю в ожидании зеленого света.

– Но мы же не можем просто взять и плюнуть, – сказала Дуня, почувствовав, как у нее зачесались руки, – так ей хотелось взять руль.

– Что значит плюнуть? У нас кончилась смена, и нам надо успеть помыть машину и написать рапорт.

– Нам совсем это не надо. – Дуня схватила микрофон рации. – Алло, Анна, говорит Дуня Хоугор. Мы с Магнусом берем это.

– О'кей, прекрасно, – ответил женский голос по рации, после чего Дуня перегнулась через приборную доску и включила сирену.

– Ты что хочешь, чтобы я поехал на красный? – спросил Магнус.

– Именно этого я и хочу. Поезжай. – Она открыла последний пакетик леденцов, взяла два и сразу же почувствовала, как от очень соленой лакрицы у нее участился пульс. – Анна, а ты знаешь, где конкретно на Стенгаде она находится?

Магнус покачал головой и, внимательно посмотрев через оба плеча, круто развернулся и поехал обратно в сторону Хельсингёра.

– Нет, но нам позвонили из магазина женской одежды, который находится прямо напротив закрытого винного магазина, – ответил голос по рации.

– О'кей. Спасибо.

Дуня точно знала, где это. Она читала об этом магазине в газете «Хельсингёрс Дагблад», где бурно обсуждалось, что делать с обветшавшим зданием, которое с каждым месяцем выглядит все более пугающе. Магазин закрылся несколько лет назад, когда его владелец купил другой винный магазин на той же улице. Проблема заключалась в том, что хозяин магазина, которому сейчас было восемьдесят восемь лет, владел всей недвижимостью и по какой-то причине не хотел ни продавать, ни сдавать помещение, где теперь обитали бездомные.

– О'кей. Так как мое предложение?

– Какое предложение?

– «Барон фон Дю». Я слышал только положительные...

– Пожалуйста, давай лучше займемся делом. Сверни здесь на улицу Брамсестреде, – показала Дуня, одновременно от-

стегивая ремень безопасности.

– Но это же пешеходная улица. Может быть, лучше идем?

– Нет, нам надо оказаться там побыстрее.

Полицейская машина свернула в узкий переулок, и, не успел Магнус припарковаться и выключить сирену, как Дуня вышла из машины, бросилась к Стенгаде и стала протискиваться сквозь толпу туристов с мороженым.

Закрытый винный магазин с серым треснувшим фасадом резко отличался от остальных хорошо оштукатуренных домов на этой улице, где магазины соревновались друг с другом за привлекательность. Казалось, вывеска в любую минуту может упасть, а за грязными витринами, обклеенными концертными афишами, были опущены решетки.

Дуня посмотрела на верхний этаж и убедилась, что все здание находится в таком же плачевном состоянии. Если в скором времени ничего не сделают, дом, вероятно, придется сносить. Но никакой окровавленной женщины она не видела. Ни в витрине, ни когда попыталась заглянуть в грязную темноту через щель между двумя рванными афишами.

– Да здесь все спокойно, – заметил Магнус, оглянувшись.

– По-моему, даже слишком спокойно. – Дуня подошла к двери магазина между двумя витринами и попробовала дверную ручку. Заперто. Она направилась к двери в левом углу. Выкрашенные в серый цвет жалюзи были опущены, но, когда она их коснулась, оказалось, что их можно поднять ру-

кой.

– Дуня, погоди. – Магнус подошел к ней. – Если бы здесь кто-то был, жалюзи были бы подняты, так ведь? К тому же мы плохо припарковались.

– На всякий случай я хочу туда заглянуть. А ты пока жди в машине.

Она скрылась внутри, оставив Магнуса, который в конце концов со вздохом последовал за коллегой.

Под лучом карманного фонарика Дуня стала оглядывать помещение, заваленное пустыми картонными ящиками из-под вина, матрасами и тележками, в которых лежали одеяла и прочий хлам.

– Хуже некуда, – сказал Магнус, поправив свой ремень и убедившись, что дубинка, наручники и пистолет на месте.

– В магазин они, во всяком случае, не проникли. – Дуня направила карманный фонарик на зарешеченную дверь безопасности справа. Глубокие вмятины на дверной раме говорили о попытках забраться вовнутрь.

– Послушай, что ты скажешь?

– О чем? – Дуня осторожно попробовала, выдержит ли прогнившая деревянная лестница.

– Насчет завтрашнего вечера? – Магнус двинулся за ней на верхний этаж. – Если завтра тебе не подходит, я могу в субботу. Только я слышал, что в субботу немного труднее заказать столик.

– Магнус, нам не нужен никакой столик, хорошо? – Под-

нявшись наверх, она пошла по узкому коридору. Пол был усеян голубиным пометом, а от испорченных влагой стен давно отклеились обои. – Во-первых, ноги моей никогда не будет в «Бароне фон Дю». – Она распахнула первую закрытую дверь и заглянула в комнату, набитую сломанной мебелью и полками. – Во-вторых, он закрылся несколько лет тому назад. – В следующей комнате ничего не было, кроме кровати, нескольких матрасов и старого велотренажера. – В-третьих... – продолжила она, открывая предпоследнюю дверь.

Дуня замерла на пороге – оказалось, что в затемненной комнате полно бездомных, которые или сидят, прижавшись к стенам, или лежат на куче раскрытых спальных мешков и одеял. Посреди этого хаоса сидел щербатый мужчина, играя со старой зажигалкой. Открыл, зажег, закрыл... Рядом с ним сидела окровавленная женщина. Ее глаза казались белыми, а взгляд был как у сумасшедшей, поскольку зрачки скрывались под веками – она была под кайфом. Из израненной руки все еще торчал пустой шприц.

– Вот она где. – Дуня вошла в комнату, села на корточки и вытащила иглу. – Алло, как мы себя чувствуем? – Она взяла женщину за затылок, пытаясь вступить с ней в контакт. – Ты с ней знаком? – обратилась она к мужчине с зажигалкой.

– Если хочешь, могу познакомиться с тобой и с твоей мандой, – ответил мужчина и засмеялся.

Открыл, зажег, закрыл...

– Дуня, спокойно, – сказал Магнус, держа обеими руками

табельное оружие. – Никогда не знаешь, чего от них ждать, когда они в таком состоянии.

– Убери это и лучше сообщи в отделение, что мы ее нашли. – Она несколько раз слегка ударила женщину по щекам. – Алло! Пора просыпаться!

Женщина попыталась очнуться от дурмана и сфокусировать взгляд на Дуне.

– Это не я... Не я...

– Что не ты? Расскажи. Что случилось?

Открыл, зажег, закрыл...

– Не я... Я ничего не сделала... – сказала женщина и вновь ушла в себя.

– Что ты не сделала?

– Алло, говорит Равн. Мы ее нашли, – сказал Магнус порации, выходя из комнаты.

Дуня дала женщине еще несколько легких пощечин.

– Подумай и расскажи. Чья это кровь на твоей футболке?

Женщина опустила взгляд и посмотрела так, словно только сейчас заметила кровь.

Открыл, зажег, закрыл...

– Он был таким добрым... никогда никому не делал плохого... – Женщина была на грани срыва. – Клянусь, он ничего им не сделал...

– Кому им? Кто-то кому-то причинил зло?

– Когда они ушли, я попыталась разбудить его, но везде была кровь. Сплошная кровь.

Открыл, зажег, закрыл...

– Кто они? – Дуня погладила женщину по голове. – Ты помнишь, сколько их было? Ты видела их лица?

Женщина, похоже, все больше уходила в себя.

Открыл, зажег, закрыл...

– Алло, ты должна мне рассказать. – Дуня пыталась встретиться с ней взглядом. – Попытайся вспомнить.

– Веселые...

– Что значит веселые? Ты хочешь сказать, что...

– Смеялись... все время... Словно это была игра. И такие желтые. Желтые и веселые...

– Не понимаю. Что ты хочешь сказать?

– Я хотела их остановить, но не решилась. Их было слишком много...

Открыл, зажег, закрыл...

– Давай лучше отвезем ее в отделение и допросим там, – предложил Магнус, входя в комнату с пистолетом в руке.

Реакция была мгновенной. За какие-то несколько секунд женщина поднялась и одним махом выхватила у Дуни пистолет.

– Магнус, что ты, черт возьми, делаешь? Опустит оружие!

Ее напарник словно окаменел. Он стоял, судорожно сжимая приклад.

– Магнус!

– Уходите отсюда... Оба. Уходите отсюда, не то... – Женщина направляла пистолет то на Дуню, то на Магнуса.

– Спокойно. Это просто мой коллега, и тебе не о чем тревожиться. – Дуня встала, подняв руки. – Ни он, ни я не собираемся тебя обидеть.

– Именно это они говорили Йенсу. – Женщина угрожающе размахивала пистолетом. – Уходите, я сказала!

– Стреляй в нее! – закричал мужчина с зажигалкой. – Просто стреляй в нее!

– Подожди, – сказала Дуня. – Йенс? Кто это...

– Прямо в морду, – прервал ее мужчина. – Или в манду! Стреляй ей в манду!

Открыл, зажег, закрыл...

– А теперь уймись.

– Бах! Прямо в пизду!

– Угомонись, я сказала! – Дуня уставилась на мужчину, который, наконец, успокоился. – И Магнус, черт возьми! Отложи оружие!

Открыл, зажег, закрыл...

Раздался выстрел. Пуля пролетела мимо Магнуса и попала в стену за ним. От шока он выпустил пистолет, который упал на пол.

– Идите к черту, проклятые! – закричала женщина и, выходя из комнаты, схватила и табельное оружие Магнуса.

Дуня выбежала в коридор вслед за женщиной, но успела только увидеть, как та сбежала по лестнице и скрылась за дверью. Но когда Дуня вышла на улицу, оказалось, что женщина словно растворилась среди людей с мороженым, кото-

рые, ничего не подозревая, гуляли по пешеходной улице и наслаждались солнечной весенней погодой.

Астрид Тувессон пришлось приложить максимум усилий, чтобы не дать волю чувствам, когда начальник полиции северо-западного региона губернии Сконе Герт-Уве Букандер, явно страдающий от избытка холестерина, устраивался на стуле для посетителей. Конечно, он прав. Она опозорилась, двух мнений быть не может. Сесть за руль в том состоянии, в котором она находилось, было не только неправильно и глубоко аморально, но в первую очередь крайне опасно для жизни.

Но это не меняло ее отрицательного отношения к шефу. От одного его присутствия у нее внутри все закипало от презрения. Не говоря уже о самодовольной улыбке, говорившей о том, как он наслаждается ситуацией. Наконец-то у него появился шанс прижать ее к ногтю. Поквитаться за всю критику, с которой она выступила за годы работы начальником криминального отдела полиции Хельсингборга.

Тувессон постаралась не думать о том, с каким удовольствием засунула бы эту улыбку далеко в складки его двойных подбородков, чтобы он никогда больше не смог улыбнуться, и сделала глубокий вдох, пытаясь ответить ему такой же улыбкой.

Она приехала на работу гораздо раньше своих коллег и последние часы мысленно готовилась ко всем возможным

и невозможным вопросам. Твердую убежденность Тувессон в том, что всегда надо выбирать правду и считать ее единственной оправданной альтернативой, как бы больно от этого ни было, пришлось красиво отодвинуть в сторону. Этот случай отличался от всех остальных. На этот раз ее ноги увязли в зыбучих песках, которые тянули ее вниз. Малейший неправильный ответ, и она полностью пропала.

– Ну что. Нехорошо получилось. – Букандер откинулся назад так, что стул под ним зашатался.

– Да, действительно нехорошо, – отозвалась Тувессон и продолжила линию, которая казалась ей единственно возможной: – Если хочешь знать мое мнение, то, честно говоря, я не понимаю, почему мы сидим здесь и делаем из мухи слона. Уверена, что не у меня одной есть дела поважнее.

Атака и полное отрицание.

– Ты называешь это делать из мухи слона? Мне кажется, мы просто сидим и разговариваем. И, наверное, даже ты не считаешь это странным в свете того, что случилось.

– Случилось то, что я пыталась остановить смертельно опасного лихача, только и всего.

– И тебе совершенно не пришло в голову, что твое безответственное поведение могло накаливать обстановку и привести к увеличению скорости?

– Извини, но чем мое поведение было «безответственным»? Это он на меня наехал, а не я на него. Я просто случайно оказалась на месте и вмешалась. Если бы я этого не

сделала, мы не знаем, чем бы все кончилось и сколько бы людей даже лишились жизни.

– А это и кончилось смертью.

– Если ты имеешь в виду смерть Петера Брисе, то могу сказать, что тут много неясного. По этой причине у меня, как бы я ни хотела, нет времени сидеть здесь с тобой весь день.

Букандер так глубоко вздохнул, что отчет Косы о вскрытии приподнялся над письменным столом.

– Астрид, не секрет, как мы относимся друг к другу. У нас с тобой были разногласия и, возможно, будут всегда. Но речь сейчас не об этом, а о том, что один из полицейских, находившихся на месте, подал заявление о том, что ты якобы была в состоянии алкогольного опьянения.

– К тому моменту как раз закончилась погоня, да еще у меня перевернулась машина.

– Да, спасибо, за ремонт этого фонтана наверняка придет крупный счет.

– Ты называешь это фонтаном? Конечно, я была растеряна и взволнована. Разве это так удивительно и так трудно понять? – Она фыркнула и покачала головой точно, как отрепетировала. – Разве бы я села за руль в пьяном виде?

– И, тем не менее, ты отказалась пройти тест. К вопросу об «удивительном».

– Да, отказалась и, наверное, поступила глупо. Я просто была очень сильно огорошена и, честно говоря, не видела никаких оснований подчиняться приказу полицейского, ко-

торый явно хотел поиздеваться вместо того, чтобы заниматься делом.

Букандер переплел свои пальцы-сардельки и немного склонил голову набок.

– Астрид. А как ты на самом деле?

– Как я?

– Да, как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. А почему бы нет?

– Может быть, потому, что ты недавно пережила развод, который, насколько я понимаю, прошел не самым гладким образом. От этого кто угодно начнет прикладываться к бутылке.

– Ты совершенно прав. Каждый раз, когда такое случается, это настоящая трагедия. – Астрид посмотрела начальнику в глаза и не отвела взгляда.

Букандер изучающе смотрел на нее. Она видела, как он шевелит мозгами, решая, что делать дальше. Без сомнения казалась, он был полностью в курсе, как обстояло дело. Но это ничего не меняло: сейчас они разыгрывали спектакль и должны были соблюдать правила игры. Без результата алкотеста и последующего анализа крови он не может ничего предъявить...

– Олрайт, – сказал он и взял паузу. Уголки рта у него опустились вниз и скрылись в складках двойных подбородков. – Я хочу быть хорошим и в этот раз спустить все на тормозах. Опасность миновала.

Фабиан сомневался до последнего. Ему казалось, что сейчас он нарушит табу и его публично выпорют. Но в конечном итоге он не видел никакой другой возможности, кроме как поставить вопрос ребром и узнать у остальных членов команды, как им быть с тем, что Тувессон спивается.

Как он и ожидал, особой реакции не последовало. И Утес, и Муландер в ответ пожали плечами, поджали губы и отвели глаза. И, тем не менее, он продолжил идти по тонкому льду и заявил, что ее бесконечные отлучки становятся недопустимыми, особенно в свете предстоящего расследования, с которым они ни за что не справятся без явного лидера. К тому же, по его мнению, они несут коллективную ответственность за то, что с ней происходит. Кто еще, кроме них, прекратит это и образумит ее?

В конце концов, плотину прорвало, и все заговорили. Лилья думала то же самое и рассказала, что от Тувессон пахло спиртным в понедельник утром, когда они вместе ехали в лифте на работу. Оказалось, что все чувствовали запах перегара, находясь рядом с ней. Утес даже видел у нее в сумке фляжку, а Муландер поведал, как она позвонила ему среди ночи и говорила так несвязно, что ему в конце концов пришлось положить трубку.

Только Хуго Эльвин ничего не сказал. С другой стороны,

он никогда ничего не говорил, если речь не шла о конкретном расследовании, над которым они работали в данный момент. За болтовню надо давать как минимум два года, обычно говорил он.

Но целью Фабиана была отнюдь не болтовня. Поэтому он пытался обсудить, как они могут помочь Тувессон, чтобы расследование не снижало темп. Но когда Утес упомянул вчерашнее вождение в пьяном виде, слухи о котором распространились по конторе с молниеносной скоростью, он не мог вставить ни слова.

Они замолчали только тогда, когда открылась дверь и в комнату вошла Тувессон собственной персоной. Встретив их вопросительные взгляды улыбкой, она подняла руки в знак извинения.

– Простите за опоздание, но у меня все утро шло совещание с Букандером. Насколько я понимаю, вы начали без меня.

– Ты что, все время была в конторе? – Утес выглядел почти что разочарованным.

– Да, с пяти утра, чтобы разобрать завалы на столе.

– А о чем вы совещались? – спросил Муландер.

Тувессон вздохнула и закрыла за собой дверь.

– Вообще-то у меня нет большого желания пересказывать это. Но что не сделаешь, чтобы избежать пересудов. – Она посмотрела своим подчиненным в глаза, взяла термос с кофе и налила себе чашку. – Как вы знаете, несколько дней я

была на больничном, и... Да, не стану скрывать, что после развода с Гуннарсом у меня начались проблемы с алкоголем. Но вчера во второй половине дня я почувствовала прилив сил и поехала на работу. Если вам интересно, то я не выпила ни капли. Кстати, этот последний для меня? – Она показала на круассан.

Эльвин кивнул и протянул Тувессон хлебную корзину.

– Ну вот, я выезжаю на трассу, но через несколько сотен метров раздается хлопок, и заднее зеркало летит ко всем чертям.

– Петер Брисе? – спросил Утес, и Тувессон кивнула.

– Но тогда я этого не знала. Не знаю, что бы вы сделали на моем месте. Я погналась за ним и попыталась его остановить. К сожалению, моя «Королла» не может соревноваться с его БМВ, так что когда он внезапно свернул на Портовую площадь, моя машина перевернулась и упала на один из этих навороченных фонтанов.

– Я бы не называл их фонтанами, – Эльвин покачал головой.

– Да, не знаю, как их назвать. Я выбралась из машины и увидела, как БМВ заезжает за кромку набережной и исчезает в воде. Чистый сюр. Я спешу туда и начинаю разгонять толпу, и тут ко мне подходит полицейский в форме и приказывает мне дуть. Я совершенно растерялась и превратилась в знак вопроса. Не потому, что мне было что скрывать. Наоборот. И все же я отказалась. И пожалуйста, не спрашивайте

меня почему, — я понятия не имею. — Она развела руками. — А теперь на меня подали заявление, хотя Букандер обещал посмотреть, что он может сделать. Но хватит об этом. — Она хлопнула в ладоши. — Что я пропустила?

Все вернулось на круги своя. Словно кто-то отвинтил предохранитель, и за столом опять воцарилась тишина. Каждый, как мог, старался не встретиться взглядом с Тувессон, которая пыталась посмотреть им в глаза.

— О'кей. Кто-то может объяснить мне, как это понимать? — продолжила она, по-прежнему пытаясь заглянуть им в глаза. — Или я что-то недопоняла, или вы считаете, что я не...

— Они беспокоятся за тебя, — перебил Эльвин и посмотрел на нее.

— А ты нет, так ведь?

— А должен?

— Как я уже сказала, у меня не все так просто. Но могу вас успокоить: я полностью владею ситуацией. Может, нам лучше начать говорить о том, ради чего мы собрались...

— К сожалению, мы так не считаем. — На этот раз Утес поднял глаза и встретился с ней взглядом.

— Вот как? И что, по-твоему, мне надо делать? — Тувессон развела руками. — Не думайте, что я не понимаю, как много судачат об этом в коридорах, но...

— Астрид, — прервал ее Фабиан и встал, чтобы смотреть прямо ей в лицо. — Мы приступаем к расследованию, которое вполне может стать самым трудным после...

– Тогда в чем проблема? Я здесь с пяти утра. Да, я немного опоздала, поскольку у меня было совещание с...

– Проблема в том, что мы не знаем, придешь ты или будешь отсутствовать до конца недели! Сначала ты берешь больничный, а потом внезапно решаешь ехать сюда и по дороге ввязываешься в бешеную автомобильную гонку со смертельным исходом.

Фабиан первый раз повысил на Тувессон голос, и она явно была так же ошарашена, как и он сам.

– О'кей, давайте все по порядку, – сказала она с деланным спокойствием. – Во-первых, еще не установлено, что «бешеная автомобильная гонка» имела смертельный исход. Да, я связывалась с Косой. – Она достала отчет о вскрытии и положила его на стол. – Насколько я поняла, есть признаки того, что Брисе был давно мертв. Во-вторых, если сейчас выяснится, что Коса ошибается и что за рулем действительно сидел Брисе, токсикологический анализ покажет наличие у него немало алкоголя в крови. Иными словами, это *он* был пьян, а не я. – Она обвела взглядом своих подчиненных. – Если с этим покончено, давайте перестанем сплетничать, как желтая пресса, и начнем работать.

– Ладно. – Фабиан кивнул, хотя был убежден в том, что начальница врет. Она была права лишь в одном: они собрались здесь, чтобы работать, а не обсуждать свои личные проблемы. – Но тогда ты уже знаешь, что вчера со мной связался Коса и рассказал о Брисе...

– Которого заморозили два месяца тому назад. Да, как я уже сказала, утром мы перекинулись парой слов.

– Как хорошо. Тогда, может быть, у тебя есть объяснение, – сказал Утес, откинувшись на стуле. – Поскольку у нас все равно концы с концами не сходятся. Например, почему кому-то понадобилось сначала заморозить его, а потом бросить в воду в порту в присутствии множества полицейских. Этот кто-то к тому же способен становиться невидимым на глазах у множества свидетелей.

– Ты так говоришь, будто наличие свидетелей входило в чьи-то планы, – заметила Тувессон.

– Тогда зачем съезжать с набережной прямо в Северной гавани?

– А почему ты думаешь, что это место было выбрано специально? Ведь тот, кто сидел за рулем, не мог предусмотреть, что я начну погоню. Если бы не я, он, может быть, поехал куда-нибудь в другое место. Да, кстати, как насчет машины? – Тувессон повернулась к Муландеру.

– Сейчас ее поднимают вверх и скоро должны отправить сюда.

– И когда, по-твоему, ты сможешь начать осмотр?

– Как только тепловентиляторы сделают свое дело, на что, вероятно, уйдет завтрашний день и большая часть выходных.

– О'кей. Надеюсь, это даст ответы на некоторые вопросы. – Тувессон обернулась к Лиле. – Я увидела в твоём календа-

ре, что у тебя назначена встреча с некоей Ильвой Фриден, муж которой исчез.

– Да, но я могу встретиться с ней в обед, чтобы не отнимать времени...

– Хорошо. И как только закончишь, присоединяйся к Утесу и Хуго, которые отвечают за сбор материалов о Петере Брисе. – Она повернулась к ним. – Нас интересует фирма, частная жизнь, отношения в семье, интересы, друзья и всё вплоть до банка, которым он пользовался. Ведь кто-то из его окружения наверняка заметил, что он умер два месяца назад. И поправьте меня, если я ошибаюсь, но ведь это он придумал игру «Улитки-убийцы».

Утес и остальные кивнули.

– Фабиан, а ты займешься вот чем.

Она достала связку ключей и кинула ее через всю комнату Фабиану.

– А от чего они?

– Понятия не имею. Но я бы начала с его квартиры на Садовой улице. По словам Косы, ключи лежали в пиджаке Брисе.

Надо отдать ей должное, Тувессон показала себя как настоящий руководитель. До финишной черты она едва доковыляла, но уже обошла их на несколько оборотов. Давно Фабиан не видел ее такой собранной, как сейчас. Может быть, ей нужно именно такое следствие, чтобы отвлечься от бутылки.

– Хорошо, тогда все знают, что им делать.

Тувессон залпом допила кофе и повернулась к двери.

– Извините, но мы разве закончили? – Утес развел руками. – Не хочу занудствовать, но если Брисе был мертв, как утверждает Коса, и машину вел кто-то другой, ты или кто-то из свидетелей должен был видеть...

– Именно... – Тувессон встретила с коллегами взглядом. – Я совершенно забыла.

– Что?

Тувессон показала свой мобильный.

– Хотите верьте, хотите нет, но вчера мне удалось снять короткий эпизод и выложить его на сервере.

– И ты говоришь об этом только сейчас? – Муландер пультом включил проектор на потолке и стал искать снятое Тувессон видео с помощью беспроводной клавиатуры и мышки на столе. – Вот он.

На экране появилось дрожащее изображение – все от панели управления и мусора на пассажирском сиденье до ног Тувессон и разбитого зеркала заднего обзора, валявшегося на полу. Потом дрожание усилилось. Тряслось уже не только изображение – все ходило ходуном, словно машина мчалась на пределе возможного.

– А звука нет?

– Нет. Наверное, я случайно убрала звук или что-то в этом роде, – сказала Тувессон.

И тут наконец на экране появился красный БМВ, кото-

рый теперь оказался на опасно близком расстоянии от капота вибрирующей «Короллы». Но все смотрели не туда, а на водительское сиденье БМВ и бритую голову, торчащую над спинкой сиденья.

Через несколько секунд кадр застыл, и ролик закончился.

Фабиан понятия не имел, о чем думали остальные. Но сам он не мог не вздохнуть с облегчением – было совершенно очевидно, что за рулем действительно сидит живой человек. До этих пор он сомневался абсолютно во всем и очень хотел вернуться в исходное положение и расставить все по местам с самого начала. Чтобы удостовериться, где верх, а где низ. И что машиной по-прежнему требуется управлять.

– Если хотите знать мое мнение, то мне кажется, что это сам Брисе, – Утес кивнул на застывшее изображение, которое Муландер уже начал обрабатывать.

– Или кто-то другой с такой же бритой головой и в таких же очках в роговой оправе, – произнес Фабиан и допил свой кофе.

– Ты считаешь, что кто-то переоделся в Брисе. – У Лилли был такой вид, будто она утверждает, что существует летающие тарелки.

– Я просто хочу сказать, что сейчас мы можем быть уверены только в том, что за рулем сидит человек, похожий на Петера Брисе.

– Послушайте, люди добрые, возможно, я нашел объяснение. – Муландер принялся откручивать ролик назад кадр за

кадром. – Вот смотрите. – Он увеличил расплывчатый кадр, на котором под углом был виден водитель в полупрофиль. – Вы видите затемнение на шее? – Он направил лазерную указку на шею водителя, где действительно виднелось какое-то темное пятно.

– Разве это не ремень безопасности? – Тувессон сделала шаг вперед, чтобы лучше рассмотреть.

– Нет, вот оно уходит вниз, – показал Муландер лазерной указкой.

– По-моему, это галстук, – сказала Лилья.

– Да, вполне может быть, – отозвался Муландер. – Но мое предположение, что это водолазный костюм.

– Водолазный костюм?

– Именно. Вероятно, у него на заднем сиденье лежат также ласты, маска и кислородный баллон. Если это так, чисто теоретически он мог выйти из машины под водой и скрыться по дну моря.

– Ты это серьезно?

Муландер кивнул.

– А Петер Брисе? – спросил Утес. – Тогда где он?

– Предположительно в багажнике. Я бы, во всяком случае, положил его туда. Ведь под водой можно без проблем достать его и посадить на водительское сиденье.

В комнате опять воцарилась тишина. Конечно, некоторые вопросы удалось прояснить. Если версия Муландера подтвердится, значит, Брисе убили. Но кто тогда преступник?

И какой смысл во всех этих тщательных приготовлениях после смерти жертвы? И вопрос, который затмевает все остальные: почему никто не заявил о пропаже Брисе, если он мертв уже целых два месяца?

В кармане завибрировал мобильный – каждый день Фабиану приходило напоминание о том, что у Теодора началась перемена и пора звонить сыну. Пусть даже для того, чтобы обменяться парой ничего не значащих слов. Он дал себе обещание, которое не нарушил со времен случившегося летом 2010 года.

Этот раз будет первым.

В отделении полиции Хельсингёра Иб Свейструп откинулся на старый скрипучий стул, изучая через грязные очки для чтения распечатанное фото окровавленной женщины на пешеходной улице.

– Да, вид у нее, без сомнения, устрашающий из-за всей этой крови. Кстати, где ты нашла фото?

– На Ютубе, – ответила Дуня. Она четко видела, как ее начальник изо всех сил пытается понять, что такое Ютуб.

– Вот как. Да, именно. Вот оно что. Вся эта новая техника – нечто невероятное. Сам я никогда с этим не расстанусь. – Он отложил распечатку и показал свою старую нокию. – Здесь все, что мне требуется, и немного сверх того. Текстовые сообщения, сигналы и календарь. Все, что только пожелаешь. К тому же телефон никогда не разбивается, а зарядки хватает почти на целую неделю.

Именно последнего стало не хватать Дуне уже через сутки после того, как она сменила своего старого верного помощника на айфон. Но сейчас она хотела поговорить не об этом.

– Как мы будем действовать дальше?

Она посмотрела начальнику в глаза, хотя знала, что он этого не любит.

– Как нам действовать дальше? Да, у вас с Магнусом закончилась утренняя смена, и как только вы напишите ра-

порт, то можете ехать...

– Я имею в виду расследование. Как мы с ним поступим?

– Именно, ты думаешь о пистолетах, которые она прихватила. Да, хорошего тут мало. Как ты понимаешь, у меня нет другого выбора, кроме как подать заявление, и тогда ваш рапорт, разумеется...

– Естественно, мы составим рапорт. Я думаю о том, что с ней произошло. Откуда вся эта кровь? – Дуня показала пальцем на окровавленную футболку женщины. – Это явно не ее кровь. На женщине не было ни одной раны. Но что-то определенно произошло, так ведь?

– Так. К сожалению, мы должны проработать эту гипотезу. Делом займется следственная группа, и я, конечно, передам им вот это. – Свейструп показал распечатанную фотографию женщины.

– Ты ведь не Сёрена Уссинга с Беттиной Йенсен называешь следственной группой?

– А кого еще мне так называть?

– Иб... – Дуня не смогла сдержать вздох. – Я прекрасно понимаю, что ты несешь ответственность и принимаешь решения. Но если позволишь мне сказать, то...

– Дуня... – Свейструп снял очки, склонил голову набок и достал из запасников свою самую теплую улыбку.

Эта улыбка Дуне обычно нравилась. В отличие от очень многих коллег, Иб Свейструп был теплым и приветливым человеком. Но теперь эта улыбка вызвала у Дуня сильное раз-

дражение, так что у нее зачесалась голова. В этой улыбке виделась лишь снисходительность. Словно начальник – терпеливый отец, а она – капризный ребенок, который кланчит сладкое.

– Я могу понять, почему ты проявляешь такую личную заинтересованность, – продолжил он и кивнул в знак подтверждения своим словам. – Ведь твое табельное оружие сейчас находится неизвестно где.

– Да если бы проблема заключалась только в оружии! Тебе, как и мне, также хорошо известно, что у этих двоих нет опыта в расследовании дел такого рода. Боюсь, что произошло что-то по-настоящему серьезное и...

– Ты немного преувеличиваешь.

– Нет, наоборот. Это не ограбление киоска с мороженым на улице Бростреде. Жаль, что мне приходится это говорить, но...

– Дуня, хватит, – Свейструп вздохнул. – При худшем раскладе и тебе, и Магнусу запретят работать в полиции из-за того, что произошло. Так что нет, ты не будешь участвовать в расследовании только потому, что ты...

– Я не хочу участвовать. Я хочу его вести.

Улыбка исчезла с лица Свейструпа, и теперь он больше напоминал усталого родителя, чей ребенок лежит на полу и кричит, чтобы ему дали сладкое.

– Я знал, что так и будет. Так и знал. Я говорил это, еще когда брал тебя на работу. Помнишь? Когда ты опозорилась

на весь Копенгаген и никто из коллег не хотел нанимать тебя ни за какие коврижки.

Дуня должна была предвидеть, что разговор примет именно такой оборот. Как к хронической боли, она привыкла к преследовавшей ее истории о том, как она подделала подпись своего бывшего начальника Кима Слейзнера. С тех пор прошло уже почти два года, но это явно не имело значения.

Нельзя сказать, что она сожалела о своем поступке. Ни капельки. Тогда она прекрасно понимала, что Слейзнер уволит ее при первой возможности. И плевать, что она помогла шведской полиции раскрыть одно из самых сложных дел об убийстве в наше время. Ее начальника интересовало только одно.

Мечь.

Но в глубине души Дуня все же рассчитывала, что, вышвырнув ее из отдела, он оставит ее в покое. Что после такого унижения все закончится, и их пути никогда больше не пересекутся. Теперь, задним числом, она поняла, какой же была наивной. Как будто слизняк Слейзнер будет довольствоваться тем, что уволит ее, когда на самом деле это только начало террора.

В каком-то смысле на нее даже произвело впечатление, как у него это хорошо получалось. Как ему удалось распространить споры плесени на многие километры и внедрить их во всю полицейскую организацию, что теперь позволяло ему использовать свою власть без малейших последствий.

Полтора года Дуня искала работу во всех отделениях полиции в Копенгагене и за его пределами. Работу, для которой она создана. Но ее везде встречали только уклончивые отговорки – мол, должность уже заняли или сократили.

И только когда она дошла до отделения Север в Хельсингёре, пошел клев. Конечно, на работу в качестве следователя рассчитывать было нельзя, и ей снова пришлось надеть форму. Но все лучше, чем унижительно маленькое пособие по безработице.

– Это Слейзнер, так ведь? – спросила она в конце концов, прекрасно понимая, что идет по тонкому льду.

– Что?

– Ким гребаный Слейзнер. Это его рук дело?

Свейstrup фыркнул.

– Тебе прекрасно известно мое мнение об этом человеке. Он, может быть, лает громче всех дворняжек в Копенгагене. Но сюда его поводок не дотянется.

– Тогда в чем проблема? Помимо того, что ты хочешь домой к жене и к вечернему джину с тоником.

Чашка с кофе опрокинулась от удара кулаком по столу, и кофе залил фото окровавленной женщины.

– Ты не имеешь права говорить о том, что я хочу, а чего не хочу. Ты прекрасно знаешь, в чем причина.

Дуня перешла грань, и у начальника были все основания выйти из себя.

– Иб, я знаю, что меня взяли в полицию по охране обще-

ственного порядка, и я должна всем мозолить глаза в моей красивой форме.

Что сделано, то сделано, и теперь ей только оставалось продолжать гнуть свою линию.

– Хорошо! Тогда так и делай! Твоя следующая смена завтра в первой половине дня. Так что если хочешь до этого взять оружие напрокат, ты должна как можно скорее написать рапорт.

Независимо от того, что Иб, Магнус или кто-то другой думает об этом.

Когда Хампус, бойфренд Ирен Лильи, спросил ее, не хочет ли она прооперировать грудь, она сначала рассмеялась. Потом страшно рассердилась и прочла ему целую лекцию о том, как это дешево и пошло, а также лишний раз доказывает, что неравенство между полами заставляет женщину угрождать мужчине.

Все это переросло в грандиозную ссору, после которой они неделю не разговаривали.

Но сейчас, сидя напротив Ильвы Фриден в ресторане на площади Марии, Лилья не могла оторвать глаз от ее декольте, пытаясь вычислить, силикон там или нет. Лилье редко доводилось видеть грудь такой красоты.

– Ты знаешь, что будешь заказывать? – спросила Ирен, решив взять баранью колбаску на гриле и французский картофельный салат.

– Да, я возьму только салат дня, – ответила Ильва.

По-хорошему, ей надо бы тоже заказать один салат, но ей нравились бараньи колбаски, и она решила наплевать на то, что ей надо. Просто эти проклятые груди внушали ей неуверенность.

– Рассказывай. Что случилось? – спросила она, наливая им из графина воды, в которой плавали огуречные дольки.

– Если совершенно честно, я даже не уверена, что на са-

мом деле что-то случилось.

– Что ты хочешь этим сказать? – Лилья отставила графин.

– Я хочу сказать, что на твоём месте я бы не раздувала эту историю. Просто моя коллега по салону убеждена, что надо заявить в полицию.

– Это правда, что твой муж исчез в понедельник?

– Сожитель. Он всего лишь сожитель.

– О'кей, твой сожитель. И ты до сих пор не знаешь, где он находится?

– Нет, но... – Ильва Фриден вздохнула и посмотрела в окно. – Значит, в воскресенье... Не спрашивай, почему, но по какой-то причине мы стали ругаться. Мы выпили несколько бокалов, и наверняка виновата была я. Стоит мне немного принять, как я начинаю закатывать истерики... – Она отпила воды. – Не знаю, что на меня нашло, но я вдруг рассвирепела и стала разбрасывать вещи.

– А из-за чего вы ругались?

– Наверное, из-за секса, обычно из-за этого. Последнее время он стал таким скучным. Или из-за денег. На самом деле я не помню. Как бы там ни было, в понедельник он не вернулся домой после работы. Хотя тогда я не придавала этому значения.

– Почему?

– Я подумала, что он остался ночевать у Стефана. Он так всегда делает, когда мы ссоримся. Это его лучший приятель.

Ильва вздохнула и покачала головой. Тем временем им

принесли еду.

– Но ты связалась с этим Стефаном?

– Да, вчера. И тогда оказалось, что он вовсе не там, как я думала. – Ильва Фриден пожала плечами и начала ковыряться в салате. – Возможно, он у Кристины.

– А кто такая Кристина? – спросила Лилья и почувствовала, что скоро у нее кончится терпение.

– Его бывшая. Если он не у Стефана, то всегда сбегает к ней. Очень жалкое зрелище.

Фриден запустила вилку в салат и положила салат в рот.

– И что сказала Кристина, когда ты к ней обратилась?

– Зачем мне к ней обращаться? Именно этого он и добивается. Заставить меня признать свою ошибку, встать перед ним на колени и попросить у него прощение. – Она фыркнула. – На этот раз ошибку признаёт он.

– О'кей, на самом деле все именно так, как обычно происходит.

Лилья услышала раздражение в собственном голосе. Сидевшая напротив нее женщина страшно выводила ее из себя. Лилья не знала, чем именно – то ли тем, что отнимает у нее время, то ли этой своей явно прооперированной грудью. Но какая разница, с нее достаточно.

– Ильва, ты выпила лишнего, у тебя началась истерика, и ты сказала то, что не следовало говорить. В конце концов, ему это надоело, и он ушел.

Она ожидала возражений, но вместо этого получила в от-

вет спокойный задумчивый кивок.

– Ты наверняка права. Пожалуй, мне вообще не надо было тебя беспокоить. – Ильва отложила вилку и посмотрела ей в глаза. – Но когда сегодня утром позвонили с его работы и спросили, где он находился целую неделю, я представила себе, что он навсегда ушел от меня.

– Значит, его не было на работе?

– По крайней мере, с утра понедельника. – Ильва пожала плечами. – Не удивлюсь, если он куда-нибудь уехал с Кристиной. – Она презрительно фыркнула. – Страшное ребячество. Особенно учитывая, что его начальник вчера фактически разбился насмерть на автомобиле. Положим, он не хочет связываться со мной, но он должен был как минимум...

– Как так разбился насмерть? – Лилья почувствовала, как земля качнулась у нее под ногами. – Ты же не хочешь сказать, что твой сожитель работает в «Ка-Чинге»?

Ильва Фриден кивнула, словно это само собой разумеется.

Квартира Петера Брисе находилась на Садовой улице, дом 5, напротив Городского парка, в одном из старых фешенебельных домов в самом центре Хельсингборга, на которые Фабиан в детстве и юности не обращал никакого внимания. Только теперь, когда он повернул ключ в замке, открыл парадную дверь и вошел в подъезд, его поразило, как здесь все красиво и дорого.

На мраморном полу с шахматным рисунком лежал темно-красный ковер, который также покрывал покатую каменную лестницу. Ковер прижимали к лестнице узкие медные рейки, начищенные до блеска. Напротив освещенного бюста в стенной нише висела доска в рамке. Золотые буквы на красном фоне сообщали, что Брисе живет на третьем, самом верхнем, этаже. Всего три этажа, значит, высота потолков в квартирах – метра четыре, а то и пять.

О том, что это роскошный дом, сообщал и его запах. Здесь пахло стариной и сияющей чистотой, что обычно встречается только в музеях.

Фабиан открыл выкрашенную в зеленый цвет дверь лифта, потянул решетку, которая без малейшего скрипа отодвинулась в сторону, и нажал на самую верхнюю кнопку из черной пластмассы. Лифт тронулся и бесшумно заскользил вверх. Фабиан заметил, что лампочку накаливания на потол-

ке не стали менять на кошмарную энергосберегающую лампу.

Дверь в квартиру Брисе на самом деле состояла из двух высоких дверей с латунными вставками и свинцовым стеклом. Ключ без проблем вошел в замок. Фабиан отпер замок и открыл. Сначала дверь, а потом решетку безопасности.

Из холла белого цвета почти во все стороны вели зеркальные двери. Иными словами, квартира была огромной. Ничего другого Фабиан в принципе и не ожидал, хотя был поражен, как здесь пусто. Конечно, ничего удивительного не было в том, что Брисе оказался приверженцем минимализма и изысканности. Но тут крылось что-то совсем другое.

Фабиан вошел в одну из соседних комнат, такую большую, что ее скорее можно назвать залом. Комната тоже была оформлена в белых тонах, а ее окна выходили и на улицу Бруксгатан, и на Городской парк, зелень которого в это время года закрывала вид на городскую библиотеку.

Здесь также было пусто. Выкрашенные в белый цвет стены с такой же белой панельной обшивкой и паркетом елочкой, скрипевшим под ногами. Везде было пусто. Или точнее, из помещения вынесли все вещи. То же самое в следующей комнате, и в следующей – ничего, за исключением нескольких белых табуреток вдоль стены.

Фабиан прошел дальше на кухню – холодильник и морозильник были отключены, а их дверцы приоткрыты. Повсюду царила такая пустота и чистота, что трудно было предста-

вить себе, что здесь когда-либо готовили. Он обогнул кухонный островок и стал осматривать холодильник изнутри. Нет, сюда вряд ли можно засунуть человека и закрыть дверцу.

Если Брисе вообще убили здесь. В этом расследовании нет ничего само собой разумеющегося. Но если верить статистике, сомнений быть не должно. По иронии судьбы человек больше всего рискует подвергнуться нападению как раз в том месте, где чувствует себя наиболее защищенным, то есть в собственном доме.

Там, где люди наиболее уязвимы и одиноки, по большей части может произойти что угодно, и никто из посторонних этого не увидит. И, вопреки расхожему мнению, соседи редко приходят на помощь. В тех случаях, когда сквозь стены слышны звуки насилия и побоев, большинство скорее запрут двери на еще один замок и задернут шторы, чем осмелятся позвонить в дверь и спросить, что происходит. Совсем другое дело, когда соседи включают музыку на полную громкость.

Фабиан пошел обратно к входу, который, несмотря на запереченную дверь и все замки, с точки зрения безопасности представлял собой самое слабое звено в доме: подавляющее большинство людей, заслышав звонок, открывают дверь не имея ни малейшего понятия, кто это может быть. Даже если есть дверной глазок, люди младше шестидесяти пяти им почти не пользуются. Иными словами, обычно в квартиру проникнуть очень просто.

Эффект неожиданности нельзя переоценить, и часто достаточно одного хорошо направленного удара, чтобы перевес стал реальностью. По мнению Косы, у Петера Брисе сильно повреждено лицо. Кровь по краям ран засохла, и получается, что повреждения не имели никакого отношения к погоде на автомобиле, а появились значительно раньше, когда он еще был в живых.

Фабиан зажег карманный фонарик, сел на корточки под дверью и направил свет на выкрашенный в белый цвет деревянный пол, который, похоже, недавно мыли. Затем достал кусочек ваты, засунул его в щель между паркетными досками и несколько раз осторожно провел им туда-сюда.

Как и ожидалось, вата потемнела и теперь была скорее бурой, чем белой. У Фабиана имелись подозрения, откуда появился этот цвет, но, чтобы полностью удостовериться, требовалось подождать результатов анализа от Косы.

Он положил вату в маленький полиэтиленовый пакетик, открыл ближайшую дверь и пошел по длинному белому коридору с рядом дверей по левую сторону. Окна пустых, чисто убранных комнат выходили во внутренний двор. Фабиан не мог понять, зачем молодому мужчине без семьи так много комнат. Две-три гостевые, кабинет, возможно, тренажерный зал пригодятся. Но зачем все остальное? Они просто пустовали в ожидании того, что... Фабиан отбросил эту мысль и остановился у одной из открытых дверей.

В отличие от других помещений, здесь на полу лежал се-

рый ковролин. Обратив на это внимание, Фабиан остановился, а потом, заметив засохшее и едва заметное пятно крови в самом низу дверной рамы, вошел в комнату.

На одной из белых стен на уровне пояса явственно виднелись царапины, а на ковролине под ними просматривалось четыре углубления, которые вместе образовывали прямоугольник размером примерно метр на два. На этом месте явно стояло что-то тяжелое.

Услышав, как открывается дверь, и кто-то заходит в холл, Фабиан машинально схватился за пистолет в наплечной кобуре, хотя за все годы работы в полиции никогда и нигде не использовал оружие в критической ситуации.

Гордиться тут было нечем. Наоборот. События в Стокгольме зимой 2009 года по-прежнему не оставляли его в покое, и иногда он слышал голоса своих старых коллег, которые до хрипоты звали его на помощь.

Фабиан решил что-то с этим делать и осенью вступил в Стрелковое общество Магнуса Стенбока в промышленном районе Берга, где регулярно тренировался метко стрелять. Уже после нескольких посещений ему стало легче, и теперь неприятное чувство почти исчезло, хотя защищенная среда в тире, конечно, совсем не то, чем реальность, с которой он сейчас столкнулся.

Судя по шагам, вошедший направился дальше по скрипучему паркету и через большой зал пошел в противоположный конец квартиры. Фабиан выскользнул в коридор и по-

спешил в самый дальний конец, заканчивающийся большой комнатой с несколькими дверями.

Открыв наугад одну из дверей, оказался прямо на кухне, куда с другой стороны вступали чьи-то ботинки. Если бы не сигнал мобильного телефона – какая-то мелодия прошлых лет, – который как раз ожил в руке мужчины, тот уже через метр натолкнулся бы на Фабиана. Теперь мужчина остановился спиной к кухне. На нем был костюм, зачесанные назад волосы выглядели так, будто на них ушла целая баночка помады. Он ответил на звонок:

– Это я. Да, выглядит хорошо. Во всяком случае, насколько я могу судить. Я только что вошел. – Он говорил кратко и раздраженно вздохнул, подходя к кухонному островку. Положив на островок портфель, провел указательным пальцем по стеклянной плите. – А теперь выслушай меня. Контракт подписан, и во вторник новый владелец отдал деньги. Так что спокойно. Всё под контролем. – Он глубоко вздохнул, поднял глаза к потолку, чтобы не сорваться, и, подойдя к холодильнику, локтем закрыл дверцу. – Да, я знаю, что он на каждой чертовой обложке. Но что ты от меня хочешь? Что я могу с этим сделать? Шоу, чтоб его, должно продолжаться. – Мужчина опять вздохнул и слил воду в мойке.

У него не было ни малейшего шанса отреагировать: Фабиан крадучись подошел к нему и встал у него за спиной, а потом схватил мужчину за руку и завел ее за спину. Мобильный ударился о плитку. Заваливая мужчину на пол, Фабиан

видел, как экран мобильного покрывается паутиной трещин.

– Какого дьявола? – Мужчина лежал на животе. Он брыкался и вертелся, пытаясь вырваться. У него ничего не получилось, и он стал звать на помощь.

– Полиция! – закричал Фабиан и завел обе руки мужчины за спину. – Вам лучше вести себя спокойно.

– Хорошо, хорошо, хорошо...

Фабиан немного ослабил хватку. Убедившись, что мужчина уgomонился, выпустил его левую руку, достал свое полицейское удостоверение и поднес его к лицу мужчины. Тот сдержанно кивнул, после чего Фабиан поднялся и помог ему встать на ноги.

– Кто вы такой и что вы здесь делаете? – спросил Фабиан, рукавом пиджака вытирая пот со лба.

– Простите, но кто на кого набросился?

– Или вы отвечаете на мои вопросы здесь и сейчас, или я вызываю вас на настоящий допрос с магнитофоном, длительным ожиданием и плохим кофе. – Фабиан придал своему лицу самое мрачное выражение, хотя вовсе не имел достаточных оснований для задержания этого человека.

– А если я откажусь? Тогда я попаду в тюрьму? – Человек расплылся в довольной улыбке, словно насквозь видел блеф Фабиана.

– Тогда я заявлю на вас за противодействие расследованию согласно восьмой статье тринадцатой главы Уголовного кодекса, а при по-настоящему плохом раскладе это тянет на

срок до месяца.

Мужчина сглотнул, и стало ясно, что он понятия не имеет о статье «О противодействии расследованию» Уголовного кодекса.

– Вот что: не знаю, что вы там думаете, но я невиновен.

– Спрашиваю еще раз: кто вы такой и что вы здесь делаете?

– Юхан Хольмгрен. Я только должен проверить, все ли в порядке, до того, как новые владельцы получают доступ к квартире...

– Значит, вы риелтор, – прервал его Фабиан, подчеркивая, что это он решает, когда им закончить разговор.

– Из агентства недвижимости «Резиденция». – Мужчина торопливо достал из нагрудного кармана пиджака визитную карточку. – Теперь, когда мы с этим разобрались, вы можете объяснить мне, что вы здесь делаете и кто будет оплачивать новый экран для моей игрушки? – Наклонившись, он поднял треснувший мобильный.

– А кто поручил вам продать квартиру?

– Конечно, владелец. А кто же еще?

– Вы имеете в виду Петера Брисе, но ведь он мертв.

– Да, это уже ни для кого не секрет. Мне кажется, я начинаю понимать, куда вы клоните и что вынюхиваете. Имущество покойного. Так ведь? – Он направил указательный палец на Фабиана, словно подчеркивая, что он прав. – В принципе, все правильно. Квартира должна быть частью имуще-

ства. Но вышло так, что не далее как во вторник он встретился с моими покупателями и подписал с ними контракт. Все чин чинном.

– Подождите, кто с кем встречался? – спросил Фабиан, не веря своим ушам. – Вы утверждаете, что позавчера виделись с Петером Брисе?

– Разумеется. Вы что думаете, я позволю покупателю и продавцу встречаться без меня? – Риелтор подошел к кухонному островку, открыл портфель и достал многостраничный контракт. – Вот контракт, подписанный и одобренный обеими сторонами. Но если хотите знать мое мнение, он продешевил. Немного больше хладнокровия, и он мог бы получить на полтора лимона...

Фабиан больше ничего не слышал, только видел, как у мужчины шевелятся губы. Значит, как с самого начала и утверждал Утес, вопреки всем предположениям, Коса ошибся, и Петер Брисе действительно был жив вплоть до вчерашнего дня? Или Коса осмотрел совсем не того человека, и Петер Брисе на самом деле по-прежнему жив? И сидел за рулем в костюме водолаза? Все, чтобы инсценировать свою собственную смерть.

В таком случае почему?

И кто тогда тот мертвый мужчина, который теперь находится в морге?

Фабиан закрыл глаза, ополоснул лицо холодной водой и сделал несколько глубоких вдохов, чтобы немного снять с себя стресс, хотя уже слышал, как начали прибывать гости.

Утверждение риелтора о том, что он встречался с Петером Брисе не далее, как позавчера, нарушило его планы на всю вторую половину дня. Вместо того чтобы отправиться прямо домой и заранее привести себя в порядок перед вернисажем, ему пришлось поехать на работу, созвать экстренное совещание и сообщить коллегам новость.

На совещании, которое прошло с бурными обсуждениями, были все, кроме Лилы. Новость укрепила предположение Утеса о том, что Коса ошибся. Спустя почти два часа они сошлись на том, что у Фабиана лучше всех получится связаться с Косой и *прижать его к стенке*, как выразился Утес. Ведь с самого начала он позвонил именно Фабиану.

К сожалению, Коса уже успел уйти из отдела судмедэкспертизы, и поскольку он по своему обыкновению не подходил к мобильному телефону во внерабочее время, Фабиану ничего не оставалось, кроме как взять машину и отправиться на поиски.

Но не обнаружив Косу ни у него дома, ни в ближайшем продуктовом магазине, ни в клубе йоги в Роо, куда тот явно регулярно ходил, Фабиан в конце концов сдался и отправил-

ся домой.

Если бы только это. Он проклинал себя за то, что вместо обычного галстука взял с собой бабочку, которую Соня подарила ему на Рождество. Конечно, он хотел сделать ей сюрприз, и этот сюрприз она наверняка оценит. Только он понятия не имел, как завязывать бабочку.

– Так вот ты где. – Ингвар Муландер, который по торжественному случаю сменил белый рабочий халат на серый клетчатый блейзер и рубашку с галстуком, вошел в туалет и встал перед одним из писсуаров. – К твоему сведению, большинство уже здесь, а твоя красивая жена вся на нервах и не может понять, куда ты подевался.

– Именно это мне и требовалось сейчас услышать.

– Сорри, я пошутил. Правда в том, что она наверняка даже не успела подумать о тебе. Она целиком занята тем, что приветствует всех своих поклонников.

– Теперь мне стало гораздо лучше, – отозвался Фабиан, ковыряясь со своей бабочкой.

– Тебе помочь?

– А ты умеешь?

– Если верить Оскару Уайльд, первый важный шаг в жизни – научиться завязывать бабочку. – Муландер подошел к одной из раковин, чтобы вымыть руки. – Кстати, я как раз начал осматривать машину перед тем, как прийти сюда.

– Вот как, разве она не должна была сохнуть все выходные?

– Да, но ты меня знаешь. Я не мог удержаться. – Муландер посмотрел Фабиану в глаза с широкой улыбкой. – Не спрашивай меня, как. – Он стал осторожно помогать Фабиану в его судорожных попытках завязать бабочку. – Но по какой-то причине навигатору понадобилось только немного теплого воздуха, чтобы он снова заработал.

– У него была какая-то заданная цель?

Муландер кивнул.

– И он не собирался ехать на Портовую площадь?

Муландер покачал головой.

– С этого места становится по-настоящему интересно. – Он взял искусственную паузу, проделав первую манипуляцию с бабочкой. – Если верить прибору, Брисе ехал в Южную гавань на улицу Стормгатан, дом 11. Знаешь, что там находится?

– В Южной гавани? Одна из автобаз грузовиков, где перегружают контейнеры.

– Там *была* автобаза. Но поскольку все больше и больше грузовиков предпочитают ехать через Мальмё по мосту, она теперь пустует и сдается в аренду.

– Ты хочешь сказать, что он ехал туда присмотреть новое помещение для своей фирмы?

Муландер покачал головой, продолжая заниматься бабочкой.

– Ты, наверное, думаешь о чем-то другом?

Фабиан кивнул со вздохом, хотя это было совсем не так.

Он просто не мог понять, куда клонит Муландер.

— Кто бы ни сидел за рулем, он хотел создать *видимость* того, что Брисе едет туда посмотреть помещение, — продолжил Муландер. — Не забывай, что, скорее всего, этот человек был в водолажном костюме, и я думаю, он собирался съехать с набережной в воду. Но в Южной гавани, а не в центре города.

— Но тогда я вообще ничего не понимаю. Если он все равно должен был съехать с набережной, тогда какой смысл во всем этом...

Муландер прервал Фабиана тяжелым вздохом.

— Боже, сегодня ты действительно плохо соображаешь. Смысл в том, что там у него не было бы никаких свидетелей, а учитывая содержание промилле в крови жертвы, все бы выглядело так, что авария, пусть даже трагическая, произошла из-за вождения в пьяном виде. Но тут как черт из табакерки появляется Тувессон со своей «Короллой» и ставит ему палки в колеса. — Муландер засмеялся и покачал головой. — Это почти слишком хорошо, чтобы быть правдой.

В рассуждениях Муландера определенно была логика, и благодаря им некоторые фрагменты пазла встали на свои места. Не было никакого сомнения в том, что преступник все продумал и подготовил крайне тщательным образом, чтобы привести в исполнение такой сложный план. Вот только он никак не мог предвидеть, что рядом возникнет совершенно безумная Тувессон и устроит погоню на трассе Е6, из-за чего он пропустит поворот на Южную гавань.

– Вот так. Теперь хоть на что-то похоже. – Муландер последний раз поправил бабочку. – Пойдем, а то Соня тебя совсем забудет.

Четверг у Кима Слейзнера начался как нельзя лучше. Без четверти шесть мобильный разбудил его радостными звуками органа. Раньше он всегда просыпался под «Колокольную» и с утра был в настроении, которое оставляло желать лучшего. Но полгода назад случайно сменил привычный сигнал будильника на сигнал с красивым названием «На побережье», и теперь просыпался, смеясь, под бравурные звуки органа.

В Копенгагене стояла прекрасная погода, и он отправился на почти десятикилометровую пробежку по Исландской набережной, под Длинный мост и дальше вдоль канала Городской ров, где повернул обратно мимо Оперы. Он проделал весь маршрут за пятьдесят пять минут, что можно считать хорошим результатом для такого старого дяди, как он.

Ким как никогда был в отличной форме. Если он не начинал свой день с пробежки по району Хольмен, то шел в тренажерный зал жилищного кооператива. В выходные он давал себе отдохнуть, хотя чаще всего в эти дни ходил на занятия йогой. Он чувствовал себя гораздо моложе, чем несколько лет назад, и не сомневался, что Вивека жалеет, что ушла от него. Особенно учитывая, что собой представляет ее нынешний спутник.

Да-да, он следил за ней и точно знал, как она проводит свои дни, сколько зарабатывает и где ест в обеденный пере-

рыв. Он даже знал, где она обычно покупает нижнее белье. Человек в его должности подобную информацию получает всего в несколько нажатий клавиш. Не потому, что ему было так уж интересно, а скорее потому, что он мог себе это позволить.

Другое дело Дуня Хоугор. Еще полгода назад он держал ее под постоянным наблюдением. Ему было досконально известно, с кем она общается, какую работу ищет и где обычно ошивается по вторникам, чтобы найти спутника на один вечер. Он был в курсе каждого ее шага. Словно она была подопытной мышью в его лаборатории.

В каком-то смысле так Слейзнер к ней и относился – как к своему маленькому питомцу, который бегаёт по клетке, совершенно не подозревая, под каким контролем находится. Когда ее накормят и сменят воду. Заслуживает ли она новое колесо для бега. Или когда пора гасить лампу и желать спокойной ночи. Все зависело от него.

Слейзнер по-прежнему испытывал к Дуне безграничную ненависть, хотя она стала его меньше занимать. Правда, первоначально он проявлял к ней до неприличия сильный интерес. Но он уже не так пьянел от счастья, вызванного ее неудачами.

И точно как большинство детей, которые клянутся всегда гулять со своими живыми пушистыми игрушками, ухаживать за ними и кормить их, Слейзнер в конце концов устал. Ее работа в полиции по охране порядка в Хельсингёре была

ему как бальзам на душу, и за последний месяц он ни разу не вспомнил о Дуне. Но сегодня утром она опять напомнила о себе, чудом умудрившись по халатности отдать свое оружие наркоманке и проститутке.

Несомненно, Дуня совершила грубое нарушение, хотя он понятия не имел, как все произошло и какие могут быть последствия. Но это не играет никакой роли. Он позаботится о том, чтобы последствия были самыми разрушительными. С этого момента он опять станет неотрывно следить за ней и на этот раз не даст ей так легко отделаться. Теперь он не остановится, пока она не опустится на самое дно, откуда уже никогда не поднимется.

Только тогда он будет доволен, погасит свет и пожелает спокойной ночи.

Выставочный зал площадью 81 квадратный метр, который в среду казался огромным, теперь был так переполнен людьми, что мог вызвать клаустрофобию. Фабиан решил больше не пытаться отыскать Соню и стал высматривать в толпе знакомых.

Детей он нашел в холле перед самым выставочным залом. Теодор сидел на стуле, уставившись в мобильный. На нем была его постоянная форма – старая кожаная куртка, купленная Фабианом в молодости в винтажном магазине «Рогер» в Копенгагене, черные джинсы и стоптанные ботинки. Последние полгода он не видел своего сына в чем-то другом и на полном серьезе стал задавать себе вопрос: а раздевается ли Теодор, когда ложится спать?

Матильда в нарядном платье и с бантиками в волосах раздавала буклеты посетителям и пыталась объяснить тематику выставки и ее название «Бренная вечность» путем сравнения со своей любимой игрой «Монополия». Можно играть в эту игру сколько угодно раз, но все разы отличаются друг от друга. С чем Фабиан был не совсем согласен. Последние туры она выигрывала одним и тем же наглым образом.

– Папа, где ты был? Нам надо вручить маме подарок. Все остальные уже вручили, – сказала Матильда, протягивая буклет паре средних лет. – Добро пожаловать.

– Матильда, успокойся. – Фабиан улыбнулся гостям. – То, что мы здесь, уже для нее подарок. И потом, вы с Теодором должны подписать открытку.

Он достал открытку с изображением Русалочки на передней стороне и информацией о поездке на выходные в Копенгаген на другой. Матильда написала свое имя и протянула открытку Теодору, который наконец оторвал взгляд от мобильного.

– Почему я должен подписывать, если все равно не смогу поехать?

– Что? Разве Теодор не поедет? – спросила Матильда. – Папа, ты же сказал, что вся семья...

– У меня другие дела, – отозвался Теодор, подписывая.

– Какие другие? Например?

– Отвали.

– Сам отвали.

– Теодор, конечно, ты поедешь, – попытался вмешаться Фабиан. – Смысл как раз в том, что мы будем все вместе. Обещаю, это станет...

– Вот вы где!

Фабиан быстро сунул открытку в карман пиджака и повернулся к Соне, которая шла к ним вместе с мужчиной моложе ее как минимум лет на десять. Тот был одет во все черное, в очках с синим отливом и с короткой челкой, настолько ровно подстриженной, что она выглядела почти неестественно.

– Это мой муж Фабиан. А это Алекс Уайт, ну ты знаешь,

коллекционер из Арильда, о котором я тебе так много рассказывала.

Фабиан кивнул и пожал мужчине руку, хотя не мог припомнить никакого Алекса Уайта.

– Значит, за всем этим стоит твой муж, – сказал Уайт с таким ярким американским акцентом, что сразу же стал действовать Фабиану на нервы.

– Да, без него бы ничего не получилось, – подтвердила Соня. – Вчера он весь день помогал мне носить и развешивать работы, а сегодня ради меня даже надел свой подарок к Рождеству. – Она похлопала Фабиана по щеке. – Вот уж не знала, что ты умеешь завязывать бабочки.

– И какое у вас впечатление от выставки? – спросил Фабиан, чтобы сменить тему. В глубине души он отругал себя за то, что обратился к мужчине на вы, словно какой-нибудь чинуша.

– *Absolutely amazing*¹. Честно говоря, я не часто сталкиваюсь с таким бескомпромиссным искусством, которое не боится идти до конца. Я называю такое прекрасным сочетанием дизеля и керосина. – Он повернулся к Соне, подняв указательный палец. – *Just so you know*². Ты обладаешь тем, что именно сейчас ищут все остальные.

– А что это, позволь спросить? – спросила Соня с тем блеском в глазах, которого так долго не хватало Фабиану.

¹ Совершенно потрясающе (англ.).

² Чтобы ты знала (англ.).

– Кому, как не тебе, это знать. – Уайт рассмеялся. – Сорри, просто шучу. Но если честно, почти во всех твоих работах на этой выставке есть то, что здесь почти никогда не встретишь – так называемая вибрация средней загрузки. – Последние слова он пометил воздушными кавычками.

– Фабиан, ты в порядке? – спросила Соня, и Фабиан кивнул, размышляя над тем, как бы убить этого человека, не отвлекая слишком сильно внимание от выставки.

Спасение явилось в лице Лилы. В честь вернисажа она накрасила губы помадой и надела летнее платье под цвет своим стоптанным конверсам.

– Я только подойду поздороваться. – Фабиан поцеловал Соню в щеку и повернулся к ним спиной.

Соня запнулась и посмотрела вслед Фабиану, словно не понимая, что он делает.

– Ты в порядке? – по-английски спросил ее Уайт и положил руку ей на плечо.

– Да, никаких проблем, – по-английски ответила ему Соня, выдавив из себя улыбку и повернувшись к Матильде и Теодору. – А это мои дети, Матильда и Теодор.

– Привет, – улыбаясь, Уайт наклонился к Матильде и протянул руку.

Но Матильда не подала ему руки и не поздоровалась.

– Матильда, поздоровайся с Алексом.

– Матильда, поздоровайся с Алексом, – передразнила Матильда и пошла к Теодору.

– Подожди, правильно ли я все понял, – произнес Утес, прихватывая несколько канаве с подноса, который пронесли мимо. – Женщина, с которой ты сегодня встречалась. Ее сожитель Пер Кранс, исчезнувший в понедельник, тоже работает на фирме «Ка-Чинг».

Лилья кивнула.

– И это вряд ли случайность. – Она взяла бокал игристого и пригубила... – О боже, какое сладкое. – И быстро отставила бокал.

– Вот, возьми лучше пиво, – Фабиан протянул ей бутылку и поднял свою, чокаясь с ней в воздухе.

Ни о чем не договариваясь, все члены команды собрались вместе.

– А что он делает на «Ка-Чинге»? – возобновила разговор Тувессон, поневоле прихлебывая минеральную воду.

– Он был финансовым директором.

– Был? А почему ты думаешь, что он мертв? – спросил Эльвин, выпил бокал красного и без всяких колебаний взял канаве из запасов Утеса.

– Не знаю, уместно ли здесь говорить об этом, но ладно. – Лилья оглянулась и только потом продолжила: – Послушайте. Сожительница Ильва Фриден не видела его с утра понедельника. В воскресенье они поругались, и она решила, что он спит на диване у своего лучшего друга. Сегодня в первой половине дня ей звонит его коллега и спрашивает, почему

его нет на работе и почему он не отвечает на мобильный. Оказалось, что Пера не видели на работе тоже с понедельника.

– Что отнюдь не означает, что он мертв, – заметил Муландер, улыбнувшись так, что Лилья сразу же завелась.

– Нет, но я никогда этого и не утверждала. Выяснилось не только это. Так что тебе лучше выслушать меня до конца, – сказала Лилья, отпив пива. – Насколько я поняла, все произошло из-за того, что Петер Брисе ни с того ни с сего решил продать свои акции, чему Пер Кранс якобы воспротивился.

– А этот Кранс тоже совладелец? – спросила Тувессон.

– Понятия не имею. Но это решение якобы было полной неожиданностью для всей фирмы. К тому же цена была настолько ниже рыночной стоимости, что Пер делал все, чтобы остановить сделку.

– А почему такая низкая цена? – спросил Утес. – Ведь Брисе, как и все остальные, должен был быть заинтересован в том, чтобы получить как можно больше.

– Вероятно, он хотел быстро провести сделку, – предположил Эльвин.

– Как бы там ни было, последние недели это переросло в болезненный конфликт между Крансом и Брисе, – продолжила Лилья. – Дошло до того, что Кранс попытался заблокировать все счета фирмы, когда понял, что Брисе собирается их опустошить.

– Абсурд какой-то, – заметила Тувессон. – Он словно по-

терял разум.

– Да, Кранс тоже так считал. Он хотел образумить Брисе и в понедельник якобы поехал к нему. И с тех пор исчез. Думаю, из машины мы вытащили его.

– О'кей, если я тебя правильно понял, ты хочешь сказать, что Брисе убил Кранса?

Лилья кивнула и сделала еще глоток.

– А зачем тогда вся эта гонка с попаданием в воду, водолажным костюмом и всем прочим? – продолжила Тувессон. – Почему просто не убить его и закопать тело?

– Может быть, он хотел создать видимость аварии, жертвой которой был сам, – сказал Эльвин, попросив проходящую мимо официантку наполнить ему бокал.

– Именно, ловко сработано, – заметила Лилья. – Таким образом, он может уйти в подполье со всеми деньгами и начать новую жизнь в принципе где угодно.

– А заморозка? Какой в ней смысл? – спросил Утес, пока Эльвин брал у него еще одно канапе.

– О'кей, вот как я представляю себе развитие событий. – Лилья отпила глоток из своей бутылки. – Кранс едет домой к Брисе в понедельник в первой половине дня. Вспыхивает ссора, которая заканчивается смертью Кранса. Брисе не знает, что ему делать, и поэтому прячет тело в морозильник, в основном для того, чтобы у него было время поразмыслить. При этом заметьте, он уже давно занят распродажей всех своих активов. И кто знает, может быть, к тому мо-

менту он уже решил уйти в подполье и начать новую жизнь? Эта идея приходит ему в голову во вторник, и он делает все необходимые приготовления, чтобы на следующий день осуществить свой план. Да, кстати, еще одна вещь. Внешне эти люди чем-то похожи друг на друга. — Лилля послала по кругу фото Пера Кранса. И действительно, он тоже был лысый и в черных роговых очках. — А учитывая, что лицо разбито, не удивительно, что и Коса, и Грувессон из судмедэкспертизы сделали вывод, что это Брисе и никто другой.

В ее рассуждениях что-то есть, подумал Фабиан. Надо отдать ей должное. Но нет никакой уверенности, что она полностью права. Ему все равно придется найти Косу и, по выражению Утеса, *прижать его к стенке*. Если окажется, что Коса, возможно, ошибся и по поводу заморозки, и по поводу личности жертвы, Фабиан готов придерживаться версии Лилли.

— Боже, какая у тебя талантливая жена! — К ним подошла жена Утеса Берит, держа на поводке маленького серого керн-терьера. — А какая красивая, позволю себе сказать.

— Спасибо, — отозвался Фабиан. — Обещаю передать ей твои слова, как только я ее увижу. — Он бросил взгляд на посетителей, которые толклись в душном выставочном зале, и вспомнил замечание Муландера о том, что Соня полностью занята почитателями ее таланта и ей все равно не до него.

— А я смотрю, у вас здесь весело. — Берит отпила из бокала Утеса. — Похоже, вы стоите здесь и работаете, обсуждая этого

Петера Брисе, который заехал в воду и утонул.

– Берит... – Утес взял у нее бокал. – Не хочешь вывести Эйнштейна погулять, чтобы он сделал кое-какие делишки?

– Нет, он только что справил свои нужды прямо на полу у входа. И большую, и малую нужду, хотя между ними нет особой разницы. Но можете быть совершенно спокойны. Я решила эту проблему. Таким чистым этот пол никогда не был. – Берит отошла, увидев поднос с полными бокалами.

– Извините, на чем мы остановились? – спросил Утес.

– На вернисаже Сони. – Эльвин поднял свой бокал и пошел смотреть выставку.

– К сожалению, у меня кончилось пиво. – Лиля показала пустую бутылку.

– Сейчас принесу. – Фабиан подошел к Матильде, сидящей на стуле, который раньше занимал Теодор. – Ты видела маму?

Матильда покачала головой. Похоже, она едва сдерживала слезы.

– Матильда, в чем дело? Что-то случилось?

– Тео сказал, что я умственно отсталая.

– Что? Почему он так сказал?

Матильда пожала плечами.

– Не знаю. Но он так сказал. И что он меня ненавидит. Потом взял и ушел.

– Очень глупые слова, наверняка он так не считает.

– Конечно, считает. Он меня всегда ненавидел.

– Разумеется, нет. – Фабиан сел на корточки и обнял дочку. – Ты же знаешь, каким он может быть. А ты случайно не начала первая?

– Нет, сперва он не хотел, чтобы я села, хотя сам сидел очень долго, и я потихоньку стала его теснить.

Фабиан вздохнул, представив себе, как разыгралась ссора.

– Хорошо, обещаю поговорить с ним.

– На твоём месте я бы пригрозила ему, что не стану давать на карманные расходы.

– Но ты, к счастью, не родитель, так ведь? – Он выпустил её и встал. – И Теодор так не считает, я в этом полностью уверен. О'кей?

Матильда пожала плечами.

– Если увидишь маму, можешь передать ей, что я её ищу, – продолжил Фабиан, взяв две бутылки пива с одного из сервировочных столов.

– И тогда мы вручим ей подарок?

Фабиан кивнул и вернулся к остальным. Одновременно подошла Берит с новой бутылкой игристого и стала всем наливать.

– Хорошо, он видит, что тело было заморожено. С этим я согласна, – сказала Лилья и взяла пиво. – Но сколько оно находилось в таком состоянии – два месяца или только несколько дней... – Она пожала плечами.

– Что вы такое говорите! Неужели этот Брисе был заморожен? – воскликнула Берит и отпила вина.

Утес вздохнул.

– Берит, сколько раз я должен...

– Это так, – вмешалась Лилья. – Но пока что мы не сделали официального заявления.

– Можете на меня положиться. Буду молчать, как могила. Просто страшно любопытно. Особенно потому, что Утес никогда ничего не рассказывает.

– А ты никогда не думала почему? – Утес закатил глаза.

– Значит, ты тоже считаешь, что Коса мог ошибиться, – обратилась Тувессон к Лилье, протягивая Берит свой пустой стакан из-под воды. – Только капельку.

Во взгляде Берит мелькнуло сомнение. Она повернулась к Утесу, но тот коротко кивнул, после чего она налила Тувессон немного вина.

– Все мы можем ошибиться, – заметила Лилья.

– Только не Коса, – парировал Муландер. – Во всяком случае, если спросить его самого.

– После того как я услышала об этом Брисе по радио, я думаю вот о чем, – сказала Берит. – Это очень похоже на историю с сыном судовладельца у нас в Викене. Так ведь, Утес? Ну ты помнишь, Юхан Халён. Разве он не покончил с собой несколько лет назад?

– Мы уже это обсуждали, и то дело не имеет к нашему никакого отношения, – ответил Утес с заметным раздражением.

– Но Хален тоже был несметно богат. Во всяком случае,

его дом находился в самом лучшем месте Викена. Знаете, он же был единственным наследником и получил все...

– Прекрати, Берит! – Утес повернулся к жене. – Представь себе, что я вваливаюсь в твою парикмахерскую и начинаю стричь твоих клиентов? Что? Что, по-твоему, сказали бы твои тетки? Так что теперь у тебя есть две опции: или ты идешь гулять с Эйнштейном, или Эйнштейн идет гулять с тобой.

– А я думала, что мы пришли сюда смотреть Сонину выставку. И так с женой не разговаривают. Даже если ты надутое ничтожество, которое пытается произвести впечатление на коллег. – Берит повернулась на каблуках и ушла.

Утес вздохнул так, словно у него в легких никогда не кончится воздух.

– Черт... – Он поспешил следом за женой. – Берит, подожди.

Хотя шутка о том, что до конца месяца Утес будет спать в гостевой комнате, была бы вполне уместна, даже Муландер не воспользовался моментом.

– Папа! Я нашла маму. – К ним подбежала Матильда. – Она там, внутри! – Матильда взяла Фабиана за руку. – Пойдем!

Матильда повела отца сквозь толпу к Соне, которая и рассказывала Эльвину, что на создание серой напольной скульптуры в виде сотни арок различной величины ее вдохновили наружные корни мангрового дерева.

– По-моему, тебя кто-то ищет, – сказал Эльвин и кивнул Матильде, стоящей прямо за Сониной спиной.

– Ой, привет! – воскликнула она при виде мужа и дочери.

Фабиан кивнул Эльвину в знак благодарности. Эльвин поднял большой палец и пошел смотреть увеличенные фотографии Эресунна.

– Ты уже немного устала? – Соня села на корточки, чтобы заглянуть Матильде в глаза.

Матильда не ответила и повернулась к Фабиану.

– Что ты ждешь? Давай сейчас.

Фабиан достал открытку и дал ее Матильде.

– Чтобы отпраздновать эту потрясающую выставку и всю ту работу, которую ты проделала, я, Матильда и...

– Привет, Соня! – крикнул Алекс Уайт, стоявший поодаль с какими-то людьми. – Тебе бы не помешало кое с кем познакомиться, – сказал он, путая шведские и английские слова.

– Мама, подожди, мы очень быстро, – Матильда протянула открытку.

– Дорогая, давай попозже. Сейчас мама должна... – Соня поцеловала Матильду в лоб и поспешила к Уайту.

Фабиан взял открытку и положил ее в карман.

– Послушай... Мама не хотела нас обидеть. Она так старалась, чтобы все прошло хорошо, что теперь, когда так много гостей, ей надо успеть обойти всех и поговорить с каждым. Думаю, лучше мы тихо-спокойно сделаем это дома. Что скажешь?

– О'кей. Но тогда я считаю, что нам надо идти домой, –
ответила Матильда и взяла Фабиана за руку.

Крис Даун сократил послезвучание саксофона и подключил усилитель к главному выходу. Он любил свой новый микшерный пульт. Сорок восемь каналов с таким количеством кнопок, регуляторов и диодов, что не сосчитать. Не говоря уже о музыкальном центре с эффектами, обо всех старых аналоговых синтезаторах, теперь отреставрированных и оцифрованных, и о новом компьютере с большим ЖК-экраном, на котором и виртуальные инструменты, и звукозаписывающие программы отвечали на его команды без всякой отсрочки независимо от количества дорожек.

Благодаря своей новой студии он чувствовал себя значимым и совершенно счастливым. Вмонтированное освещение, дубовые панели на стенах и узор с черепами на ковровом покрытии. Он ни на чем не экономил и ничего не одобрял, пока все не было сделано точно в соответствии с его желаниями. На это ушло пять месяцев, и теперь в первый раз за долгий срок он мог спокойно сидеть и по-настоящему работать.

Крис увеличил громкость, нажал «воспроизвести» и откинулся назад на кожаном стуле с прекрасными пружинами, который стоил целое состояние. Как всегда во время прослушивания, он закрыл глаза и распустил волосы до плеч. Правда, он слышал только раскачивающийся ритм, басы и хук,

но уже сейчас понимал, что у мелодии есть потенциал. Идея взять образцы, переложить их для гитары, а потом продублировать на саксофоне была, если можно так говорить о самом себе, просто блестящей.

Теперь оставалось только записать несколько вспомогательных аккордов и напеть черновой вариант мелодии – и основа готова. А ведь он начал работать только сегодня утром. Если вдохновение его не покинет, в таком темпе он как минимум успеет написать четыре мелодии до воскресенья, когда вернется Жанетта с детьми.

Правда, в студии была такая звукоизоляция, что даже если бы его дети одновременно пригласили домой свои детсадовские группы в полном составе, Крис ничего бы не услышал. Мобильный он отключил, в последние часы не заходил в Фейсбук и не проверял электронную почту. Он отгородился от окружающего мира, и ему это нравилось. Один в студии, что может быть лучше.

Прослушав мелодию до конца, Даун встал с кожаного стула и пошел к кабине для записи вокала. По дороге остановился у встроенного в стену монитора и посмотрел на изображения всех камер наблюдения, размещенных и в доме, и на улице. Какое наслаждение видеть, как исправно работает техника. Заметно, что он удовлетворился самым дешевым вариантом. Изображение имело не только высокое разрешение – его можно было также увеличивать и делать панорамным каждой камерой, которая к тому же могла фиксировать

все в темноте.

На экране сначала появилась кухня, потом столовая, а затем левый коридор на нулевом этаже. Помимо спальни, ванных комнат и студии каждое помещение в большой усадьбе находилось под наблюдением. Жанетта отказалась от камер в некоторых местах, боясь, что их сексуальная жизнь попадет в сеть. Если бы решение принимал он один, камеры были бы везде и всюду.

Не то чтобы он беспокоился. Он просто всегда хотел держать ситуацию под контролем. Еще в детстве хаос был его самым страшным врагом, и родители отнеслись к этому настолько серьезно, что заставили мальчика держать все легоперемешку в одном большом ящике. Но ему от этого было так плохо, что им в конечном итоге ничего не оставалось, кроме как разрешить ему рассортировать все детальки.

В гараже, где стояли его машины, тоже все выглядело, как обычно, и... На переднем плане словно из ниоткуда появилась легкая тень и сразу же исчезла, словно ее никогда не было. Крис тяжело задышал и сразу же почувствовал, как у него участился пульс. Что это было? Он сглотнул, заложил волосы за уши и уставился в монитор, словно силой мысли мог заставить тень показаться снова.

Тем временем на экране появилось изображение постирочной, наружная дверь которой была приоткрыта... Какого черта? Пытаясь вернуться к изображению с камеры в гараже, Крис схватил пульт и стал нажимать на кнопки. Но

успел только просмотреть толстую инструкцию, как вся система зависла.

Логика подсказывала, что ничего не произошло и никакого основания для беспокойства нет. И, тем не менее, именно это чувство Крис испытывал, быстро выходя из студии. Войдя в постирочную, он убедился, что дверь, ведущая в заднюю половину дома, действительно приоткрыта. Может быть, он сам как следует не закрыл ее после утренней пробежки.

Снова закрыв дверь, Крис запер ее и направился в прилегающий к кухне гараж. «Феррари», «Ягуар» и все остальные автомобили стояли на своих местах. Он посмотрел на камеру, вмонтированную в потолок, но никаких отклонений не увидел, хотя точно что-то заметил в мониторе наблюдения.

Дверь со стороны водительского сиденья черного «Камаро» была приоткрыта. Какой ему был смысл не закрывать дверь до конца? Здесь определенно кто-то был. Крис быстро подошел к машине, чтобы проверить, все ли в порядке. Вроде бы да. Хотя нет, минутку... Пульт к въезду в гараж и к воротам у дороги. Крис всегда клал этот пульт в среднее отделение перед рычагом включения, а теперь тот почему-то валялся на пассажирском сиденье.

Правда, он давно не ездил на «Камаро» и, видимо, так нервничал, что случайно положил пульт на пассажирское сиденье. Но он никогда бы не оставил дверь со стороны водительского сиденья открытой. Настолько рассеянным он не был.

Когда Крис потянулся за пультом, прямо за ним раздался какой-то звук. Выпрямляясь, он ударился головой, но успел разглядеть тень на ветровом стекле. Все почернело, и ему пришлось опереться о дверь машины, чтобы не потерять равновесие. Только через несколько секунд боль немного стихла, и он опять смог открыть глаза и оглядеться.

– Эй! – закричал он, но, разумеется, не получил ответа. Даже если их много, плевать он на них хотел. Он не собирается сдаваться, пока не найдет их, даже если сейчас слышал только собственное дыхание и отдаленное жужжание откуда-то снаружи.

Надо ли ему беспокоиться? Он понятия не имел, что его ждет, и ему было нечем защититься. Даже мобильный он оставил в студии. К тому же последний раз он дрался в детстве.

От ярости Крис буквально искрился, как сварочное пламя. Каждый мускул его тела был настолько напряжен, что мог лопнуть, когда он проходил мимо «Камаро», окидывая взглядом помещение и оглядываясь через плечо.

И все же для него полной неожиданностью явилась тень, возникшая откуда-то снизу и метнувшаяся прямо к его лицу. В ужасе он попытался отогнать темную птицу, одновременно бросившись в сторону и приземлившись на капот «Камаро». И только тогда до него дошло, что птица, наверное, залетела в открытую дверь постирочной. Это же очевидно.

Он выдохнул и только сейчас почувствовал, как его ста-

рая футболка с *Black Sabbath* вся пропотела, а черные джинсы липнут к ногам. По-прежнему пребывая в шоке, Крис подождал, пока успокоится пульс, и только потом подошел к «Камаро», взял пульт и направил его на дверь гаража. Дверь поехала вверх к потолку, и черный дрозд смог вылететь и исчезнуть в вечернем небе.

– Папа, что значит неверный?

Вопрос Матильды прозвучал как удар под дых, и Фабиану пришлось приходить в себя, прежде чем попытаться ответить.

– Где ты это слышала?

– Эсмаральда так говорит о своем папе, – сказала Матильда, натягивая ночную рубашку и залезая под одеяло.

– Эта твоя Эсмаральда, не слишком ли она много говорит? Это ведь она утверждает, что в нашем подвале водятся привидения?

– Да, она, но они там действительно есть. Мама тоже так считает.

– Знаешь, что я думаю? – Фабиан сел на край кровати, испытывая облегчение от того, что разговор перешел на другую тему. – Мне кажется, у Эсмаральды довольно богатая фантазия. Уверяю тебя: здесь нет ни одного привидения. Сама посмотри. – Он показал рукой на ее аккуратно убранный письменный стол и открытую дверь, ведущую в прихожую.

– Посмотреть на что? – Матильда огляделась.

– Вот именно. Как видишь, ни одного привидения.

Матильда закатила глаза.

– Все совсем не так. Они невидимые, и их замечают только те, у кого есть дар.

– Конечно, у твоей подружки есть этот дар.

Матильда кивнула, словно это было вполне естественно.

– Но что это значит?

– Что?

– Неверный.

– Матильда. Мне кажется, ты еще слишком маленькая, чтобы понимать такие вещи. К тому же я страшно устал.

– Попробуй. Может быть, я совсем не маленькая.

Деваться ему было некуда. Теперь он понял это и посмотрел дочери в глаза.

– Это когда люди вместе, как мы с мамой, и кто-то из нас сходится с кем-то другим, не рассказывая об этом.

Матильда отвела глаза, будто ей требовалось время, чтобы понять. Потом опять повернулась к Фабиану.

– Папа. А ты бывал неверным?

– Нет, не был. – Он засмеялся, удивившись, как легко ему дался ответ. Если быть совсем честным, он до конца не знал, что произошло в ту ночь с Нивой, его коллегой, в Стокгольме несколько лет тому назад. – А теперь спи, ведь тебе завтра в школу. – Он пожелал дочери спокойной ночи, поцеловал ее в лоб, погасил прикроватную лампу и вышел.

Фабиану хотелось лечь спать, хотя было только половина одиннадцатого. По дороге в ванную он остановился у двери в комнату Теодора. Как обычно, музыка гремела на полную громкость. Правда, сын, похоже, покончил с Мэрилином Мэнсоном и перешел на «Нирвану» и прочее, что мож-

но слушать. И это хорошо.

Фабиана поразило, как ему по-прежнему ничего не стоит просто пройти мимо закрытой двери, притворившись, что внутри никого нет. Будто дверь ведет всего лишь в лишнюю комнату со старой мебелью и другими вещами, которые у них не хватило духу отвезти на свалку. Тогда, почти два года тому назад, он даже об этом не задумывался. Он считал вполне естественным общаться со своим сыном через смс, чтобы не сталкиваться с собственной неудачей.

Неудача. Он попробовал слово на вкус.

Так выразился психотерапевт, и ему понадобился целый год, прежде чем он смог признаться самому себе, что так и есть. Он относился к собственному сыну как к сплошному бедствию, которое наносит наименьший вред, если держать его за закрытой дверью и оглушать компьютерными играми. Осознание того, что он предал Теодора, обрушилось на Фабиана с такой силой, что у него началась депрессия.

Он стал принимать антидепрессанты и последовал советам врача возобновить пробежки. Медленно, но верно давление в груди стало ослабевать, и в конце концов он собрал достаточно сил, чтобы постучать, переступить порог и посмотреть сыну в глаза. Рассказать, что он испытывает, и попытаться честно объяснить почему. Обещать, что с этой минуты он всегда будет рядом, что бы ни случилось.

Теодор кивнул, и они обнялись, но глаза мальчика говорили о том, что для него это лишь пустые слова. В знак дока-

зательства, что все серьезно, Фабиан стал звонить сыну каждый день, когда тот был в школе, просто чтобы узнать, как у него дела. За исключением сегодняшнего утра, когда из-за Тувессон утреннее собрание началось на полчаса позже. Но он почти никогда не стучал в закрытую дверь. Ему по-прежнему что-то мешало, и он проходил мимо и якобы ничего не замечал.

Три отчетливых стука – и музыка зазвучала тише. Фабиан истолковал это как разрешение войти.

– Здравóво, – произнес Теодор. Он полулежал в кровати и листал учебник по математике.

– Привет, привет. – Фабиан вошел в комнату и обвел взглядом подростковый беспорядок. – Просто хотел узнать, все ли в порядке.

– А почему должно быть по-другому?

– Ты исчез, не простившись, и Матильда сказала, что вы поругались.

Теодор вздохнул.

– Ты же знаешь, какой она становится противной, стоит вам отвернуться.

– Да, знаю. – Фабиан убрал одежду со стула у письменного стола и сел. – Но я не сержусь. Как я уже сказал, я просто хотел проверить, как ты.

Повисла тишина, вызывавшая желание встать, оставить сына в покое и продолжить притворяться, что все хорошо.

Раздались первые аккорды *Drain You*, и Фабиан вспомнил,

что эта была его любимая композиция из альбома *Nevermind*.

Его поразило, что он ни разу не слушал ни одного альбома «Нирваны» с тех пор, как Теодор открыл для себя эту группу. Словно по какой-то странной причине он не мог слушать то же, что и его сын-подросток. Почему это произошло?

– Хорошая мелодия, вот эта. Правда? – спросил Фабиан в тот момент, когда решил, что как только представится случай, поставит в наушниках «Нирвану» на повтор.

Теодор кивнул.

– Знаешь, когда этот альбом вышел, я ничего не понял. – Фабиан покачал головой, вспоминая. – Мне просто показалось, что это какие-то крики под бречание гитар.

– Ты шутишь. – Теодор первый раз оторвал глаза от учебника.

– Нет, честно. Помню большой новогодний праздник в начале девяностых. Мы с твоей мамой уже год были вместе. Ди-джей почти все время ставил только «Нирвану». Они как раз только заявили о себе, и, по-моему, постоянно звучала *Smells Like Teen Spirit*.

– Это же потрясающе.

– Знаю. Но тогда я этого не понимал, и, немного перебрав лишнего, пристал к бедному ди-джею и стал требовать, чтобы он больше заводил Майкла Джексона и тому подобное. В конечном итоге он согласился отдать мне бразды правления, и все кончилось катастрофой.

– Это почему? – Теодор сел в кровати. Похоже, он дей-

ствительно заинтересовался.

– На первой же мелодии всех как сдуло с танцпола. Так обидно было. Я страшно запаниковал и сделал все для спасения ситуации, но ничего не вышло.

– А что это была за песня?

– Не помню. Но уверяю тебя, она была совершенно не к месту.

– Перестань. Конечно, ты помнишь. Давай.

– Хорошо, только ты не смейся. *Papa Don't Preach* Мадонны.

Фабиан встретился с Теодором глазами, и в наступившей тишине, пока в *Lounge Act* не зазвучали басы, оба расхохотались.

– Послушай, она же не настолько ужасная.

– Папа, она чудовищная. По крайней мере, если сравнивать со *Smells Like Teen Spirit*.

Фабиан мог только кивнуть. Конечно, это по-прежнему хорошая композиция, но такая же безнадежно устаревшая, как песни *Roxette*.

– Да, но потом наступило просветление, и я стал слушать все группы, начиная с *Pixies* до *Sonic Youth*.

– А что это за группы?

– Как? Ты их не слышал?

Теодор покачал головой с выражением невинного любопытства на лице, какое бывало у него в детстве. Фабиан буквально почувствовал, как из него уходит усталость, пока он

доставал мобильный и искал одну из своих любимых композиций группы *Pixies*. Теодор помог ему подключить телефон к стерео, и Фабиан поставил *Where Is My Mind?*, сделав соответствующую громкость.

Теодор сразу же завелся и весь расплылся в улыбке.

– Ты действительно это слушал?

– Да, а что?

– Это же хорошо, правда.

Фабиан лег спать только в половине второго. Они с Теодором продолжали ставить друг другу музыку, пока не позвонила соседка и не пригрозила вызвать полицию. Но оно много раз того стоило, подумал Фабиан, гася прикроватную лампу. Последний раз им было так хорошо вместе, когда Теодору только исполнилось десять, и они провели все выходные в пижамах, строя из лего звездный истребитель Т-65 Х-крыл.

Он в последний раз зажег мобильный, но никаких сообщений от Сони не увидел. Наверняка она не скоро придет. Они условились, что он заберет детей домой, а она будет где-нибудь праздновать до тех пор, пока не надоест, против чего он не возражал. Он замечательно провел несколько часов с Теодором, и у него все равно уже слипались глаза. Если кто и заслужил праздник, так это Соня. Он никогда не видел, чтобы она так много и целенаправленно работала, как последний год.

Никто из них не говорил этого прямо, но после событий

2010 года их отношения взяли паузу, и они только создавали видимость для детей. По словам психотерапевта Теодора, не было ничего важнее, чем надежность и стабильность.

Они по-прежнему спали в одной спальне, но ни о каком сексе даже речи не было. Несколько раз он делал попытки сблизиться, но Соня так последовательно ему отказывала, что он, в конце концов, решил дождаться инициативы с ее стороны. С чем она, похоже, не спешила.

Конечно, у него возникала мысль поискать где-то в другом месте, но независимо от того, что произошло между ним и Нивой, это делать не стоило, и меньше всего ему хотелось опять вляпаться. Несмотря на эмоциональную засуху и Сонины постоянные отказы, Фабиан ничуть не сомневался, что по-прежнему очень сильно ее любит. И в каком-то смысле сейчас их отношения были лучше, чем раньше. Они никогда не ссорились и поровну делили между собой ответственность. Помимо этого не было никаких ожиданий или требований.

Фабиан повернулся, вновь пытаясь заснуть. Он не знал, сколько уже лежит, уставившись в потолок и глядя на узкую полоску света, просачивающуюся сквозь тонкие шторы. Обычно он засыпал без всяких проблем. По большей части, едва он гасил лампу, как уже было пора вставать. О чтении нечего было и думать.

Но эта ночь отличалась от остальных. Хотя все его тело пульсировало от усталости, он никак не мог успокоиться.

И дело было совсем не в том, что Соня где-то веселится. Причина крылась в другом и называлась *Петер Брисе*. Его странная не-смерть, или что это было, не давала Фабиану покоя. Он не видел ни одного нормального момента во всем ходе событий. От этого в свою очередь у него возникало чувство, что это только начало чего-то большего. Того, к чему они еще даже не приступали.

Выходные наверняка пройдут не так, как он планировал. Копенгаген подождет.

Фабиан заставил себя выпить еще один глоток горького больничного кофе, оторвал глаза от отчета Хуго Эльвина полуторагодичной давности и посмотрел на большие настенные часы в вестибюле. До десяти, когда к нему должна присоединиться Лилья, еще оставалось какое-то время. Раньше этого они не могли себе позволить явиться без договоренности. Особенно, когда надо побеспокоить самого Косу. Никто не умел так перечить, как он.

К тому же они пришли, чтобы поставить под сомнения его выводы, что еще больше усложняло их миссию. Но ничего не поделаешь. Слишком многое говорило о том, что Коса совершил одну или несколько ошибок, и теперь их задача состояла в том, чтобы точно выяснить какую. Без этого все следствие топталось на месте в бесконечном смятении, когда возможно все и ничего.

Фабиан попытался подавить зевок, но сдался и понял, что усталость берет верх над кофеином. Соня разбудила его в пять утра, когда крадучись вошла в спальню, держа в руках туфли на каблуках, и буквально рухнула в кровать. Фабиан попытался снова уснуть, но запах алкоголя и табачного дыма вместе с мыслями о расследовании не дали ему этого сделать.

Когда проспиртованное дыхание Сони перешло в хрипы

и посапывание, он оставил надежду и отправился на утреннюю пробежку по лесу Польшё. Маршрут получился длиннее, чем обычно, и, пробегая по холмистой Ландборгской дорожке с видом на залив, Фабиан вспомнил жену Утеса и ее комментарии о богаче Юхане Халене, который лишил себя жизни. Приняв душ, Фабиан отыскал в архиве отчет Эльвина, а потом поехал в больницу, где стал ждать Лилью за чашкой плохого кофе с сухой венской булочкой.

Согласно отчету, Халена нашли дома мертвым в его гараже в понедельник 13 декабря 2010 г. Мастер, который пришел чинить посудомоечную машину, обнаружил его лежащим в позе эмбриона на заднем сиденье одного из его автомобилей, «Мерседес С 220». Шланг от пылесоса, прикрепленный серебристым скотчем к выхлопной трубе, подавал выхлопы прямо в салон через опущенное боковое окно.

В это время Фабиан отдыхал в Таиланде с Соней и детьми, но вспомнил, что тогда началось расследование и что Муландер отвечал за осмотр места преступления. Никаких отпечатков пальцев не нашли, кроме отпечатков самого Халена и еще кого-то на насадке пылесоса. Позже выяснилось, что они принадлежали уборщице. Дальше дело не пошло — следствие было прекращено, поскольку Коса установил, что это самоубийство.

Эльвин придерживался того же мнения, что и Берит, пока они не сбросили его со счетов, но независимо от того, было ли совершено самоубийство или нет, между этими двумя

случаями было много общего. И Юхан Хален, и Петер Бри-се были состоятельными людьми и не имели семей. Токсикологическая экспертиза выявила высокий процент алкоголя и у Халена; к тому же его тело при обнаружении оказалось замороженным. Тогда это объяснили тем, что гараж не был утеплен, а зима выдалась необычайно холодной со средней температурой гораздо ниже нуля.

Больше из отчета ничего извлечь было нельзя. Зато простой поиск в сетевых новостях выявил кое-что интересное. Например, Хален умер практически в бедности. В последние месяцы жизни он продал весь свой контрольный пакет акций в пароходстве, а также собственные акции и большую часть предметов искусства в доме, в частности знаменитое произведение Герхарда Рихтера «А Б, Кирпичная башня».

Оставалось неясным, куда точно ушли деньги. Что в свою очередь породило небольшую лавину слухов. Согласно одному из них, Юхан проиграл все в казино в Мальмё. Согласно другому – сошел с ума и сжег все свое состояние в камине, а потом кончил жизнь самоубийством.

На одном из довольно сомнительных бульварных сайтов его обвиняли в том, что он назначал много свиданий в сети и периодически избивал и унижал женщин в тайной комнате в подвале своего дома. Иногда с такой жестокостью, что некоторым женщинам потом приходилось обращаться за медицинской помощью. Соответствующий поиск в отношении Петера Бри-се, наоборот, ничего не дал. Иными словами,

сходство заключалось не в этом.

– Ой, похоже, вчерашний вечер затянулся.

Меньше всего Фабиан хотел вдаваться в объяснения, как у них с Соней обстоят дела. Он заставил себя допить кофе, закрыл отчет и быстро встал.

– Пойдем?

Лилья кивнула.

– А тебе удалось с ним связаться и сказать, что мы идем к нему?

– Если ты о Косе, то я даже не пытался, – ответил Фабиан, пока они шли по вестибюлю. – Зачем давать ему шанс отказать? – Дойдя до стойки информации, он обратился к женщине в наушниках с микрофоном: – Привет, Фабиан Риск и Ирен Лилья. Мы хотели бы встретиться с Эйнаром Грейде из отдела судмедэкспертизы.

Женщина кивнула и стала звонить по внутреннему телефону.

– Кстати, вот фото, которые я получила от Ильвы Фриден.

Лилья достала из конверта несколько фотографий и показала их Фабиану. На первой исчезнувший сожитель Пер Кранс позировал, лежа в кровати на животе: на губах улыбка, на теле ни единого лоскутка. На второй – лежал на спине, прикрывая член игрушечным мишкой, а на последней мишки уже не было.

– Что ты об этом думаешь? – Лилья приложила палец к татуировке на левом плече Кранса. – Это не может помочь

нам с установлением личности?

Фабиан внимательно посмотрел на татуировку, которая занимала большую часть плеча и была так детально прорисована, что казалось, будто кто-то опрокинул банку с сине-серой краской.

– Они сейчас здесь, – сказала женщина за стойкой. – Нет, я не говорила, что у вас есть время, но насколько я могу судить по вашему календарю, не должно быть никаких проблем...

Хотя женщина была в наушниках, Фабиан и Лилья услышали, как Коса оборвал ее и прочел целую лекцию о том, что она должна плевать на его календарь.

– Ну? Что такого важного случилось, что пришлось посылать сюда столичного жителя? – спросил Коса и впустил Фабиана и Лилью в подземный коридор, не подав им руки.

– И кто, по-твоему, меня сюда послал? – отозвался Фабиан и заметил похожую на плетку серую косицу, доходившую патологоанатому до спины. Значит, у Грейде не было сомнений в том, что Петер Брисе только первая жертва убийства в целом ряду.

– Вы же знаете, что я прав, – сказал Коса, быстро идя по коридору. – Те факты, которые я вам сообщаю, всегда соответствуют действительности, но вы не можете не прийти, не помешать и не поставить все под сомнение, чтобы обосновать ваши жалкие версии.

– Не знаю, насколько они жалкие. – Фабиан почувствовал,

как завибрировал мобильный. – Зато есть много...

– Поверь мне, – прервал его Коса. – Иначе Тувессон никогда бы не прислала тебя. Ирен, ты уж извини, но никто, кроме Риска, не осмелится прижать меня к стенке. Давайте не будем толочь воду в ступе. Утро все равно испорчено. – Он развел руками.

Фабиан достал мобильный, увидел, что это Утес, и отключил вызов.

– По крайней мере, это говорит о ее серьезном отношении к делу, – продолжил Коса. – И кто знает, может, она даже на время откажется от бутылки. Ну? – Он повернулся к ним, набрал код и открыл дверь в морг. – Пора приступать к делу. Что вы хотите?

– Мы не до конца уверены в том, что Петер Брисе действительно мертв. Многие говорят об обратном, – сказал Фабиан, входя в прохладное помещение.

Коса рассмеялся с таким видом, словно никогда не слышал ничего глупее.

– А чей это тогда труп, позволю спросить? Деда Мороза?

– Пера Кранса, – наконец нарушила молчание Лилья. – Он работал финансовым директором на «Ка-Чинге» и исчез в понедельник, когда якобы поехал домой к Брисе, чтобы попытаться уладить конфликт между ними.

– Да. Этот пазл, похоже, прекрасно складывается, почти как в фильме. Тут сомнений нет. – Коса закрыл за ними дверь. – К сожалению, должен сообщить, что вы ошибаетесь.

Брисе так же мертв, как старая трехногая такса моей бабушки.

– И ты в этом полностью уверен? – спросила Лилья, чтобы подчеркнуть, что не только Фабиан способен высказывать несогласие.

– Ладно. Если бы за осмотр отвечал Грувессон... Но теперь за осмотр отвечаю я. И если я говорю, что он мертв, он мертв.

– К сожалению, этого недостаточно, – отозвался Фабиан. В этот момент опять оживился мобильный, и на экране показался улыбающийся Утес.

– Вы знаете, сколько лет я работаю патологоанатомом? Нет? У вас есть хоть малейшее представление?

– Наверняка страшно давно, – ответил Фабиан, вновь отклонив звонок Утеса. – Но, тем не менее, нам нужны конкретные доказательства. И насколько мне известно, ты еще не получил результаты анализа ДНК.

Коса открыл дверь морозильной камеры и с такой силой вытащил контейнер, что тело жертвы затряслось, словно в последней предсмертной судороге.

– Во-первых, у него нет ни одной татуировки, что уже само по себе редкость.

Лилья обменялась взглядом с Фабианом и кивнула.

– Во-вторых, – продолжил Коса, выделяя каждое слово, словно подчеркивал слова на бумаге. – Согласно истории болезни, ему оперировали паховую грыжу с правой стороны и

вправляли мениски в обоих коленях. Это действительно так. В-третьих, если господа все еще сомневаются, он был голубым.

– Ты и это можешь видеть?

– Нет. Но зато я констатировал сильный ректальный пролапс на его внешней круговой мышце, что может быть вызвано только слишком глубоким анальным проникновением.

– Но это же не...

– В-четвертых, – перебил Коса, – я только что получил результат анализа зубной формулы.

Фабиан кивнул. Коса был прав: это не кто иной, как Брисе. И карточный домик снова рассыпался.

– А насколько ты уверен, что его заморозили больше двух месяцев тому назад?

Коса вздохнул.

– Если честно. За кого ты меня принимаешь? Ты действительно считаешь, что я бы говорил о двух месяцах, если бы хоть немного сомневался? Разрыв клеток, который происходит, когда тело набухает от воды, выглядит по-разному в зависимости от двух факторов: температуры и времени. Чем выше температура, тем быстрее разлагается тело. С наибольшей вероятностью была использована обычная морозильная камера с температурой минус восемнадцать градусов. Результат: два месяца плюс-минус неделя.

– Тогда почему, согласно разным источникам, он был в живых не далее, как несколько дней назад? – спросила Ли-

ля. Тем временем Фабиан получил смс.

Коса развел руками.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь. Но разве это не ваша работа? – сказал он и улыбнулся. – Ну что, мы закончили?

Возможно, нашел подходящее объяснение. Лучшее всего будет, если вы приедете сюда прямо сейчас. Утес.

Внутри воздух оказался не таким отвратительным и пропахшим мочой, как ожидала Дуня, а скорее напоминал атмосферу в одном из винтажных магазинов Копенгагена с плохой вентиляцией. Густой, насыщенный, влажный и затхлый. За последние месяцы как полицейский по охране порядка она побывала во многих ночлежках по всей Северной Зеландии. Но в «Стуббене» на улице Стуббедамсвей, дом 10, к югу от Хельсингёра она была впервые.

На доске в коридоре висело объявление: в помещении одиннадцать комнат, стоимость – примерно 2 500 крон в месяц. Каждый будний день можно позавтракать и поесть горячую пищу, 15 крон порция. В пятницу можно принять душ и при необходимости подстричься за 20 крон.

Двери в комнату ожидания не было, и Дуня увидела, что все стулья вдоль стен заняты бездомными. Одни сидели и разговаривали друг с другом или сами с собой, а остальные игнорировали объявление о том, что в зале не положено спать. Но здесь не было ни женщины, которая захватила их с Магнусом табельное оружие, ни кого-либо еще из закрытого винного магазина на улице Стенгаде.

Дуня взглянула на часы – без двадцати час. Значит, она отсутствует почти пять минут, и у нее в запасе есть еще как минимум двадцать, прежде чем Магнус забеспокоиться. По-

сколько он, возможно, будет против, она не сказала ему, что задумала, и не собирается этого делать, пока все толком не выяснит.

Магнус остался в пиццерии на перекрестке этой же улицы и улицы Конгевейен. Там он ел немыслимый обед собственного сочинения, который сам окрестил «Кватро Магнус»: кебаб, цыпленок, говядина с беарнским соусом, а также креветки и мидии. Сама Дуня назвала бы такое «Ударим по *Pizza-Hut*» и довольствовалась салатом с помидорами и моцареллой.

Дуня соврала, что ей надо размять ноги и немного побыть одной, и Магнус по-настоящему расстроился. Ей пришлось заверить коллегу, что никакой обиды или раздражения здесь нет и что дело совсем не в нем, а также дать ему половинчатое обещание пойти с ним на ужин.

Прежде чем войти в комнату ожидания, она положила в рот солено-сладкий лакричный леденец и облизала губы. Стоило посетителям увидеть ее форму, как все напряглись. Дуня решила взять быка за рога, пользуясь тем, что для всех это явилось неожиданностью.

– Меня зовут Дуня Хоугор, и, как видите, я из полиции Хельсингёра. – Она медленно повернулась, пытаясь заглянуть каждому в глаза. – Но сейчас речь не обо мне, а о вашей приятельнице, которая вчера до смерти напугала прохожих на улице Стенгаде. – Дуня наблюдала за их реакцией, пытаясь увидеть, выделяется ли кто-нибудь. – Может быть, неко-

которые из вас даже знают, откуда вся эта кровь?

Ответом ей было молчание и опущенные взгляды. Ей придется нелегко. Особенно из-за этой проклятой формы, которая в их глазах сулит вмешательство властей и неприятности.

– Я здесь не потому, что вас в чем-то подозревают. – Дуня снова сделала попытку посмотреть бездомным в глаза. – Я пришла сюда только для того, чтобы выяснить, кто из вас видел или слышал то, что может помочь расследованию. Например, как ее зовут и где она находится. – Она развернула фото окровавленной женщины, взятое из ролика на Ютубе, и показала его каждому.

По-прежнему никакой реакции, кроме замкнутого выражения лиц, опущенных глаз и полной тишины. К счастью, это было не единственным.

На самом деле, отреагировали многие, и по-разному, но все подсознательно явно пытались скрыть свою реакцию. Маленькие, едва заметные проявления, ничего не значащие для нетренированного взгляда, но говорившие Дуне именно то, что она хотела узнать.

Например, такая простая вещь, как изменение положения тесно составленных ног в большинстве случаев свидетельствует о том, что человек готовится сбежать. Еще один способ выявить, скрывает ли кто-то правду, – наблюдать за уровнем стресса, который почти всегда повышается и приводит к учащению пульса, что в свою очередь ведет к нехватке

кислорода и изменению дыхательного ритма.

Именно последнее Дуня четко заметила у мужчины-блондина слева в самой глубине комнаты. Ей было достаточно. Теперь надо только заставить его заговорить.

Теодор сидел на спинке скамейки с зажженной сигаретой в зубах и искал в мобильном песню *Doolittle* группы *Pixies*. Ирония состояла в том, что раньше его отец с пеной у рта доказывал, что есть группы гораздо лучше, чем, например, Мэрилин Мэнсон. И старик на самом деле оказался прав.

Парень сделал затяжку и оглядел школьный двор, полный ботаников. Сегодня днем папаша тоже явно не собирается ему звонить. Конечно, эти звонки – полная бессмыслица и сплошное притворство, ведь он только делает вид, что все супер и в полном гребаном порядке. Но сейчас, когда отец не звонил, Теодору, как ни странно, этого не хватало.

К счастью, он мог смотреть на Александру. Она бегала по баскетбольной площадке и закидывала в корзину один мяч за другим. На ней была зеленая кепка клуба «Бостон Селтикс». Теодор не любил кепки – они напоминали ему детские шапочки. Маленькие говнюки с застывшими соплями под носом. Хотя Александре кепка очень даже шла. Какие бы заношенные шмотки она ни надевала, на ней все смотрелось потрясающе.

Словно услышав его мысли по прямому проводу, она с улыбкой повернулась к Теодору и остановила на нем взгляд, чтобы убедиться, что он смотрит, когда она кидает с самого дальнего расстояния, и мяч попадает в сетку. Ему захотелось

побежать туда и попробовать самому, но он знал, что опозорится и промахнется. К тому же отец еще может позвонить.

Эти чертовы уроды. Понятно, что они должны крутиться вокруг нее. Рилле, Калле и Йонте, или как их там. Теодор был уверен, что Александра чувствует то же самое. Все ее жесты красноречиво говорили о том, что она презирует этих ребят. Однако она подавала им мяч и позволяла принимать участие, такая классная. Она вела, обводила вокруг пальца одного за другим, подпрыгивала и закидывала мяч в корзину, словно законы гравитации на нее не распространялись. Она была настолько лучше их, что просто сидеть и смотреть на нее доставляло огромное удовольствие.

Внезапно один из ботаников сорвал с нее кепку и бросил дальше другому. Теодор молниеносно соскочил со скамьи и бросился через школьный двор. Он даже не успел принять какое-либо решения. Разум словно поставили на паузу, и всем заправлял инстинкт. Пульс, похоже, взял верх над временем и вытолкнул Теодора на баскетбольную площадку так быстро, что он не успел отреагировать.

Последние два года он только и делал, что вел себя спокойно.

Достаточно крепко схватить блондина за капюшон.

Каждый раз ему удавалось побороть желание и не позволять колкостям сорваться с губ.

После этого сильный рывок.

Никогда не доходило до угрозы.

Вместе с хорошо направленным ударом в икры.

Никогда даже не сжимал кулаков.

После чего этот идиот потерял равновесие и упал навзничь.

Удар по лицу. Он уже представил себе, как костяшки пальцев попадают в челюсть, и третий удар кончается вывихом. Как при виде крови из сломанного носа начинает пульсировать его собственная кровь, требуя еще адреналина. Но тут прозвенел звонок – перемена закончилась. Теодор очнулся, остановил себя и довольствовался сжатым кулаком и угрозой. После чего поднял кепку с асфальта, встал и повернулся к Александре.

Она взяла кепку, надела на голову и подарила ему улыбку, которая искупала все.

Все ее наличные и пакет с лакричными леденцами. Столько пришлось заплатить Дуне, чтобы заставить блондина рассказать, где можно найти окровавленную женщину – на заброшенном заднем дворе за велосипедным магазином на той же улице недалеко от ночлежки. К счастью, у нее с собой было только восемьдесят шесть крон. Хуже обстояло дело с солеными лакричными леденцами, на которые она подсела после первого посещения Швеции. Она отдала мужчине свой последний пакетик, и теперь за леденцами придется ехать на другую сторону пролива.

По иронии судьбы задний двор находился напротив пиццерии, где пировал Магнус. Если бы он оторвал глаза от своей несуразной пиццы и посмотрел в окно, то увидел бы, как Дуня пробирается по узкому темному проходу между стеной дома и гаражом с написанной от руки табличкой «парковка запрещена», которую водители полностью игнорировали.

Она не знала, что задний двор был прибежищем для бездомных. Но учитывая, что тот находится к югу от центра города, а окровавленная женщина шла на север по улице Стенгаде, не исключена вероятность, что она вышла именно из этого двора.

Хотя Дуня еще не заходила вовнутрь и дошла только до половины тесного прохода, воздух уже загустел и пах смесью

влажной шерсти и общественного писсуара. Она остановилась, достала пистолет, сняла его с предохранителя и, держа перед собой обеими руками, пошла дальше.

Сам по себе двор был темным и запущенным. Здесь и там стояли магазинные тележки. Некоторые – с одеждой, объедками и прочим мусором – были перевернуты. Под рифленой пластмассовой крышей, вообще-то предназначенной для защиты велосипедов от дождя, лежали груды старых грязных матрасов, спальных мешков и одеял. Все это хаотичное нагромождение пахло мочой.

Но никаких бездомных здесь не наблюдалось – по какой-то причине они бросили все свои пожитки. Даже мешки для мусора со стеклянной тарой, которую наверняка собирали неделями. Может быть, им ничего не оставалось, кроме как сбежать. Но в таком случае почему?

И тут Дуня увидела.

Ботинок.

Сначала она подумала, что его просто забыли, как прочий хлам. Но приглядевшись, увидела, что ботинок надет на ногу, торчащую из-под слоя одеял. Ясно, что женщина говорила именно об этом человеке. Некий Йенс, который никогда никому не причинил зла. И смех остальных – их было слишком много, и она не осмелилась вмешаться.

Дуня подошла к стоптанному левому ботинку – большому, как минимум сорок пятого размера, может быть, больше – и осторожно приподняла одеяла. Рядом лежал правый

ботинок и обе брючины, которые закрывали груды грязных покрывал. Она несколько раз слегка пнула ботинки ногой, но никакой реакции не последовало. Тогда она отбросила два последних одеяла, и обнажились брючины, которые сверху были темнее, чем снизу. Сначала она решила, что это моча, но потом поняла.

Честно говоря, она не знала, что ожидала увидеть. К сожалению, в том, что бомж навсегда закрыл глаза на матрасе под несколькими одеялами, не было ничего необычного. Особенно зимой. Но сейчас не зима. К тому же этот мужчина не просто закрыл глаза. Он истек кровью.

Дуня уже поняла, что имеет дело с убийством, но не от этого у нее перехватило дыхание. И не от широко раскрытых глаз, и не от метрового пятна засохшей крови на матрасе под телом.

Нет, ее взгляд остановился на грудной клетке, которая была так неестественно глубоко вдавлена, что все ребра наверняка были сломаны. Она отвела взгляд, но у нее перед глазами стояло, как асфальтовый каток медленно едет вперед-назад по незащитному телу.

Пора просыпаться, подумал Фабиан, сворачивая на парковку рядом со зданием полиции в поисках свободного места. Они с Лилей собирались поехать в Лунд, чтобы встретиться с генеральным директором «Ка-Чинга». Но после зашифрованного сообщения Утеса о том, что они с Эльвином якобы нашли объяснение, они поехали обратно в участок на экстренное совещание.

Позвонила Соня, и только с помощью силы воли Фабиану удалось противостоять инстинкту, который приказывал ему притвориться недоступным и не отвечать на ее звонок.

– Фабиан Риск слушает.

– Алло, ты же видишь, что это я, – со смехом сказала Соня.

– Э... я сижу в машине, – сказал он, сразу же пожалев, что не послушался инстинкта. – Выходит, ты проснулась.

– Да, вчера все немного затянулось.

Ему хотелось спросить, что она делала и с кем праздновала. Но что-то подсказывало ему, что лучше не трогать эту тему.

– Надеюсь, тебе было хорошо.

– Лучше не бывает. Не помню, когда я последний раз так много смеялась.

– Хорошо. Сейчас я еду на важное совещание. Поговорим

подробнее сегодня вечером.

– Отчасти поэтому я и звоню. Ты помнишь этого коллекционера из Арильда Алекса Уайта?

Фабиан ничего не ответил, хотя слишком хорошо знал, кто такой этот Алекс Уайт. Одно только имя вызывало у него раздражение.

– Ты знаешь, о ком я говорю. Я вас вчера познакомила. В общем, он предоставил мне полную свободу в его доме.

– Чтобы делать что? – Фабиан сразу же пожалел, что заговорил таким тоном. Но было уже поздно.

– Что угодно. В этом весь смысл. Он обещал купить одну из моих работ. Потрясающе, правда?

– Конечно, поздравляю, – отозвался он, проходя мимо рецепциониста Флориана Крусе (идеальный пробор, глаза устремлены в монитор). – Ты знаешь, что будешь делать?

– Нет, понятия не имею. Но сейчас собираюсь поехать туда и посмотреть. Сегодня вечером он хочет провести презентацию, так что пожелай мне что-нибудь придумать.

– Иными словами, сегодня вечером ты не придешь к ужину? – спросил Фабиан слишком недовольным тоном. Но у него больше не было сил притворяться. Он был действительно недоволен.

– Приду, но не успею ничего приготовить. Так что придется тебе. А сейчас мне пора. Созвонимся позже. Чао-какао.

Поднимаясь наверх на лифте, Фабиан слышал, как последние слова жены отдаются в нем эхом, словно у него внут-

ри было совершенно пусто.

– Хорошо, тогда начнем. – Утес стоял в торце стола, ожидая, когда можно открыть совещание. Рядом сидел Эльвин на своем специально сконструированном стуле. Оба упрямо отказывались говорить, к чему они пришли, пока вся команда не соберется за столом.

– Все налили себе кофе и взяли по булочке? – продолжил Утес и кивнул на поднос, доверху наполненный свежими булочками с корицей и фисташками.

Фабиан быстро пробежался глазами по настенным доскам, но не увидел ни новых фото, ни каких-либо сенсационных записей, которые могли бы расставить все по местам. Возможно, сделанные коллегами находки лежали в старой потертой папке на столе перед Эльвином.

– Как вы все знаете, мы с Хуго собирали сведения о господине Брисе, и хотя до завершения работы еще далеко, у нас есть версия, как все взаимосвязано.

– Тогда давайте рассказывайте, а то скоро выходные, – сказал Муландер.

– Ты все узнаешь и останешься более чем доволен. Но все-таки свое время. – Эльвин посмотрел на Муландера без всякого намека на улыбку.

– Хорошо, – отозвался Муландер, ответив таким же взглядом.

– Как вы знаете, мы уже поняли, что Брисе был богат, – продолжил Утес, не обращая никакого внимания на неболь-

шую стычку между коллегами. – И когда Ирен рассказала о разногласиях между Брисе и финансовым директором «Качинга», мы подумали, что это ответ на наш вопрос. Что мотив преступления – деньги. Ни больше, ни меньше. – Он пошел к одной из досок и обвел символ доллара рядом с фотопортретом Брисе. – И мы начали с того, что связались с его банком, а именно с Торговым банком на улице Гасверксгатан в южной части города. Главным образом с целью получить общее представление о его материальном положении и о том, не было ли за последнее время каких-либо странных операций с его счетами. Сегодня утром Хуго съездил в банк и встретился с его персональным банковским менеджером Рикардом Янссоном. Оказалось, что он стал персональным менеджером Брисе только семь недель назад. Не знаю, что считают все остальные, но меня слегка удивляет тот факт, что через неделю после предполагаемой даты смерти убитый перевел все свои счета и управление фирмой из крупного отделения на Большой площади, которое к тому же находится ближе к его дому, в меньшее отделение в южной части города.

– А у этого Рикарда Янссона нет никакого подходящего объяснения? – спросила Тувессон.

– Его единственное объяснение заключается в том, что он привык работать с крупными счетами, поскольку его клиентами являются и *Scandlines*, и *Zoegas*, – ответил Эльвин.

– Но он хотя бы успел встретиться с Брисе? – спросила

Лилья. – Если тот уже два месяца как мертв.

Эльвин кивнул.

– Несколько раз, по его словам. Последний раз в прошлую среду, а именно 2 мая в 14:30.

Сначала риелтор, теперь персональный банковский менеджер. Фабиан не знал, что и думать. Оба утверждали, что встречались с Брисе, хотя на самом деле тот был мертв.

– Если еще кто-то считает, что Коса ошибся, могу сказать, что больше нет никакого сомнения в том, что жертва – Петер Брисе, – заключила Лилья, ища одобрения у Фабиана, который кивнул.

– Он может что-нибудь добавить относительно времени заморозки? – спросила Тувессон.

– Не более того, на чем он настаивает.

– Совершенно неважно, до какой степени Коса неправ, – заметил Муландер. – Он скорее умрет, чем признает свою ошибку.

– Но сейчас мы собрались не для того, чтобы обсуждать Косу. – Эльвин встретился взглядом с остальными, желая подчеркнуть значительность своих слов. – И я думаю, что этот хиппи прав. Смотрите сами. – Он включил проектор; на стене появились кадры, снятые камерой наблюдения в банке. – Эти кадры сделаны в отделении Торгового банка в южной части города непосредственно перед их последней встречей 2 мая. Здесь вы видите, как Брисе входит.

Мужчина с гладко выбритой головой, в очках в роговой

оправе и свободном пиджаке, надетом на футболку, проходит через вестибюль в помещение банка и оглядывается.

– Но это же точно он! – воскликнула Тувессон. – Значит, я ничего не понимаю. А вы? – Она посмотрела на остальных. – Ты действительно уверен в том, что это снято на прошлой неделе?

– Достаточно только посмотреть на время в углу экрана. – Муландер показал лазерной ручкой.

Тувессон права, подумал Фабиан. Конечно, кадры были сделаны сбоку и сверху, и если бы Коса не был на сто процентов уверен в своей правоте, не было бы никакого сомнения в том, что в банк вошел Петер Брисе.

– А вот Рикард Янссон, – продолжил Эльвин, когда возле с обритым человеком появился крупный мужчина в слишком тесной рубашке. – А теперь смотрите дальше.

На потолке появились кадры, сделанные под другим углом камерой, которая находилась ниже и показывала двух мужчин сбоку и спереди. Эльвин поставил на паузу кадр, запечатлевший лицо мужчины, и в тот же момент Фабиану и его коллегам стало ясно, что у Утеса и Эльвина достаточно оснований, чтобы поднять большой палец.

Мужчина, который жал руку своему новому менеджеру в банке, действительно напоминал Петера Брисе, но это был не он, а кто-то другой – человек, который, по-видимому, не только убил Брисе, но и присвоил себе его жизнь.

Крис Даун целую ночь не сомкнул глаз и теперь расплачивался за это не проходящей головной болью. Конечно, он не собирался спать по ночам. Нет, теперь, когда наконец весь дом был в его распоряжении, он мог вернуться к своему старому режиму: спать днем, а ночью работать в студии. Ему нравилось, что все в мире спят, а он один на всей планете бодрствует. Ночью он ощущал прилив творческих сил, и, по правде говоря, все его композиции, занявшие первые номера в списке рекордов *Billboard*, были созданы в самое темное время суток.

Но последняя ночь или все последние сутки было не чем иным, как одним большим фиаско. Он испробовал все. Но что бы он ни делал, ему никак не давался ритм. Аккорды и мелодии казались жалким повторением его предыдущих композиций. Словно эта проклятая птица унесла на своих крыльях всю его творческую энергию.

В два часа Крис сдался и лег спать, но сон не шел. Присутствие в гараже не давало ему уснуть. Одна его половина говорила о том, что птица всего лишь проникла через открытую дверь в постирочную, а другая напоминала о том, что он никогда не забывал закрывать за собой дверь.

Он хотел было заявить в полицию, но решил, что вероятнее всего это не более, чем галлюцинации. И, тем не ме-

нее, не смог удержаться и стал методически осматривать весь дом. Все выглядело точно так, как обычно. Каждый предмет лежал на своем месте. И вновь обретя спокойствие, Крис с удовольствием съел хороший завтрак, прежде чем идти в студию.

К сожалению, довольно скоро он перешел к экрану наблюдения и стал систематически просматривать кадры, снятые разными камерами. Первые часы это было хуже никотиновой зависимости. Его все время тянуло к экрану, где он проверял, нет ли в доме посторонних. Но после обеда, как следует прогулявшись по полям, он ограничил себя и подходил к монитору максимум раз в три часа. Это помогло ему сосредоточиться на музыке и даже написать нечто по-настоящему перспективное.

Сейчас до следующей проверки оставалось только две минуты. Две минуты, когда он все равно ничего не мог делать, кроме как ждать. Поэтому он встал, перешел в другую часть студии и включил монитор, который сразу же начал показывать кадры, которые он запрограммировал. Сначала офис, где за афишей в рамке его старой метал-группы *Crazy Motherfuckers* находился встроенный в стену сейф. Потом показались постирочная и гараж, а затем камера вывела его из дома к воротам у длинной аллеи.

По какой-то причине ворота были открыты.

Это было странно, и Криса сразу же окатила волна холодного пота, а сердце заколотилось так, словно хотело вырвать-

ся из груди. Дрожащими руками он взял пульт, выключил ролик и пошел обратно к камере у входа. Но не успел, поскольку система переключилась на следующую наружную камеру и показала подъехавший грузовик, который остановился на покрытой гравием дорожке на полпути к дому.

– Какого черта, – услышал он собственный голос, остановив кадр и увеличив грузовик, на котором как раз опускалась погрузочная платформа.

– Нет, что за дьявольщина, – прошипел он и вышел из студии.

Кто бы ни вторгся на его территорию, он им покажет. Он сдал охотничий экзамен и, если понадобится, без малейших колебаний сделает предупредительный выстрел. Но сначала позвонит в полицию.

Выйдя из студии, Крис достал свой мобильный, разблокировал его и набрал номер экстренной службы 112, но не дозвонился. Сделав еще одну попытку, понял, что нет гудка. А ведь он даже сменил оператора, чтобы улучшить связь. Он поднял телефон как можно выше, но, не добившись никакого результата, подошел к панорамному окну в гостиной, где телефон всегда хорошо ловил.

Сигнал дверного звонка он выбирал по меньшей мере так же тщательно, как оборудовал студию. По мнению Жанетты, он переусердствовал и его фанатизм носил болезненный характер. Она не могла понять, зачем тратить так много энергии на какое-то звяканье. Но дело было именно в этом. Все

мелодии, которые он испробовал, действовали ему на нервы, а значит, что стоило кому-то прийти и позвонить в дверь, как у него сразу же портилось настроение.

В конечном итоге он подключил дверной звонок к сэмплеру, который, в свою очередь, соединил с домашней системой хай-фай со скрытыми усилителями в каждой комнате. Таким образом Крис мог создать персональный звук для дверного звонка. Сейчас это был спокойный и гармоничный плеск волн, который он записал на побережье к северу от Роо. Но теперь в звучании спокойных волн слышалось что-то предательское.

В его дверь звонили. Кто осмелился заехать на грузовике на его территорию и к тому же иметь наглость позвонить ему в дверь? На смену страху пришла злость. Он ни за что не позволит этой сволочи продолжать отвлекать его внимание. Это его выходные.

По пути в холл Крис испытывал такую злобу, будто ждал в длинной очереди и попал к какому-то некомпетентному идиоту, который ни хрена не знает о том, что такое поддержка клиентов. И когда он все же отпер входную дверь и открыл ее, собирался так сильно отругать посетителя, что кому угодно стало бы стыдно.

Но, увидев мужчину в кепке и синем комбинезоне, опешил.

– Примите заказ, – мужчина похлопал одной рукой по запечатанному шкафу, стоявшему вертикально рядом с ним

на тележке.

– Извините, а что это? – Крис переводил взгляд со шкафа на мужчину, у которого, как он сейчас заметил, не было бровей.

– Морозильник. Вы же заказали морозильник. Извините за небольшую задержку, но...

– Я не заказывал никакой чертовый морозильник, – сказал Крис и покачал головой. – Забирайте свой проклятый морозильник и...

– Простите, но вы же Крис Даун? – перебил его мужчина и посмотрел на накладную, скотчем прикрепленную к упаковке. – Или, точнее, Ханс Кристиан Свенссон.

– Да... Но...

– Как хорошо! Значит, мы прояснили это маленькое недо-
разумение. – Мужчина просиял, взял тележку за обе ручки и стал вкатывать ее в холл.

– Эй! Подождите! Я не заказывал никакого морозильника! – закричал Крис вслед мужчине, который уже протиснулся мимо него и вошел в дом. – Подождите, я сказал!

Мужчина остановился только тогда, когда дошел до открытой кухонной зоны, где опустил тележку и осторожно сгрузил морозильник с верхней загрузкой на натертый деревянный пол.

– Эй, вы что, плохо слышите? – Крис поспешил за мужчиной. – Не нужен мне никакой морозильник! – Он почувствовал, что наконец пришел в себя. – Предлагаю вам взять

это дерьмо и чесать отсюда, пока я по-настоящему не рассердился.

Мужчина без бровей не обратил на него никакого внимания, раскрыл нож Стэнли и начал срезать упаковку.

– Уберите эту махину из моего дома! Немедленно! – Мужчина, который уже снял упаковку со всей морозилки и собирался открывать крышку, по-прежнему никак не реагировал. – Ладно. Но тогда пеняйте на себя. – Теперь, черт возьми, он спустится в подвал и возьмет одно из своих ружей. Он уже представил себе удивленное лицо этого идиота, когда он приставит дуло к его морде.

– Залезайте. – Мужчина кивнул на открытую морозилку.

– Что это значит? – Крис не знал, смеяться ему или плакать. – Это что, неудачная шутка?

– К сожалению, будет не до веселья. Вот так. А теперь залезайте. Времени у меня в обрез, – коротко сказал мужчина и посмотрел на свои наручные часы.

– Даже не подумаю. Лезьте сам, если считаете, что это так здорово. – Он повернулся спиной к мужчине и двинулся в сторону лестницы в подвал, но тут сзади послышался щелчок. Крис сразу же понял, что это, но не мог поверить, пока не обернулся и не увидел пистолет с глушителем, нацеленный на него. – О'кей, о'кей... а теперь спокойно.

– Я же сказал, что спешу. – Мужчина махнул пистолетом в сторону морозильника.

Крис понял, что у него нет выбора, и поднял руки, подхо-

дя к морозилке и залезая внутрь. Мужчина подошел к нему, ощупал его карманы, отобрал мобильный и коробочку со снюсом.

– Садитесь.

– О'кей, спокойно. – Крис сел. – Вот так. Хорошо? Но вы же не собираетесь...

Внутренняя сторона крышки ударила его по голове с такой силой, словно он получил хлыстовую травму. Дверь заперли на ключ, ключ вынули из замка. Что, черт возьми, происходит? Несмотря на боль в затылке, он попытался приподнять крышку, но ничего не получилось.

Его заперли в морозилке на кухне в собственном доме. Кто-то над ним издевается. Может быть, это тот самый мальчишник, который так и не состоялся. Кое-кто из его друзей действительно обещал ему объявиться, когда он меньше всего будет это ждать. Но с тех пор прошло несколько лет. Но мужчина вооружен. Или это только муляж?

Слабый звук загудевшего компрессора, за которым последовало характерное тиканье охлаждающего элемента, опроверг все надежды на запоздалый мальчишник. Крис сделал несколько глубоких вдохов, чтобы не впасть в панику. Ему никак нельзя этого делать. В ту самую секунду, как он поддается панике, ему конец.

Нет, так просто он не собирается сдаваться. Теперь надо думать позитивно. Видеть решение, а не проблему. Первое, что надо сделать, – выбраться из ящика. Как, он не знал, но

надо выбраться. Дальше спуститься в подвал, где стоит шкаф с оружием, и поскольку мобильный по какой-то причине не работает, ничего не остается, как полномасштабная война.

Крис на несколько секунд задержал дыхание, чтобы услышать, по-прежнему ли мужчина находится поблизости, но разобрал только гудение компрессора. Иными словами, оснований ждать не было.

Он максимально выдвинул вперед нижнюю часть туловища и стал откидываться назад, пока не лег на спину, упершись ногами во внутреннюю сторону крышки. Затем убрал с лица волосы, собрался и изо всех сил нажал. Но крышка не поддавалась. Он сделал новую попытку и почувствовал, как на лбу у него выступает пот. Никакой полоски света вдоль краев он не увидел. Даже когда приготовился и пнул со всей силой. Крышку как приварили. Черт, черт, черт...

Меньше всего ему хотелось сдаваться. Но хотя он лежал здесь самое большее четверть часа, он ничего не мог сделать и отчасти понял, что в любую минуту даст волю панике.

Чао-какао.

Немного размяв ноги, Фабиан вернулся в совещательную комнату. С появлением версии о двойнике, который забрал жизнь у своей жертвы, они стали бурно обсуждать, что делать дальше. И, тем не менее, его мысли занимали последние слова, сказанные Соней.

Значит, теперь они так заканчивают свои разговоры. *Чао-какао*. У них нет секса, ладно. Это он мог и понять, и принять, пусть даже неохотно. Пусть в данный момент их отношения холоднее некуда и они просто притворяются перед детьми. Но *чао-какао* означает только одно: шаг к краю пропасти. Это само доказательство того, что Соня уже прыгнула.

Жена больше не считает его мужчиной, равноправным партнером и человеком, с которым надо считаться. Он превратился в чемодан без ручки, который она вынуждена тащить с собой, как бы он ей ни мешал. В бесполое нечто, которое максимум заслуживает похлопывания по голове перед тем, как она убегает дальше по своим делам. *Чао-какао*. Она сдалась, выпустила последнюю соломинку, и теперь поздно.

– ...хищение персональных данных становится все более серьезной проблемой, – опять говорил Эльвин, и Фабиан понятия не имел, сколько он пропустил.

– По прогнозам всего лишь через несколько лет такие пре-

ступления станут даже более распространенными, чем кража велосипедов. И если никто не оставит свой велосипед незапертым, большинство из нас, прямо скажем, беззащитны, когда речь идет об обнарождении наших персональных данных.

– Это действительно так распространено? – спросила Лилья.

Эльвин кивнул.

– Хищение персональных данных происходит каждые пять минут, и это только здесь, в Швеции. В большинстве случаев это чистое мошенничество со счетами и карточками – кто-то узнает номер карточки и старается сделать как можно больше покупок, пока карточку не заблокируют. К сожалению, украсть персональные данные не намного труднее, и тогда можно опустошить банковские счета их владельца и взять массу займов, – продолжил Эльвин.

Фабиан наконец начал понимать, о чем говорит коллега.

– Вот как это происходит. – Утес подошел к одной из досок во всю стену и взял маркер. – Для начала мошенник просит временно изменить адрес своей жертвы, которая, разумеется, ни о чем не подозревает. – Он нарисовал нечто, одновременно напоминающее дом и почтовый ящик со стрелками в разных направлениях. – Следующий шаг – подать заявление о потере водительского удостоверения жертвы. Документы на получение новых водительских прав посылаются на новый адрес, и жертва по-прежнему понятия не име-

ет о том, что происходит. – Рассказывая, Утес все время добавлял новые стрелочки и символы, причем некоторые обводил в кружочки, а другие зачеркивал. – Остается только заполнить все анкеты, приложить свое фото и расписаться. Через пять рабочих дней на новый адрес приходит почтовое авизо, с помощью которого мошенник получает совершенно новые и абсолютно подлинные водительские права со своей собственной фотографией, но с именем жертвы и номером ее удостоверения. Понятно? – Утес выглядел по-настоящему довольным, когда закончил и отложил маркер.

– Полностью. Кроме всех черточек и стрелочек. Я в этом ничего не понимаю. – Муландер показал на клубок линий на доске.

– И никто не понимает, – сказала Лилья, скрестив руки. – Но мне все равно интересно, правда ли это. Неужели все действительно так просто?

– К сожалению, – ответил Эльвин. – Если позаботиться о том, чтобы жертва получала почту на свой обычный адрес, у нее нет ни единого шанса понять, что происходит, пока не станет слишком поздно.

– Значит, вы считаете, что все так и произошло? – спросила Тувессон.

Эльвин кивнул.

– Вот посмотрите. – Он нажал на пульт, и на самой дальней стене совещательной комнаты появилась проекция водительского удостоверения. – Вот Петер Брисе. А вот наш пре-

ступник. – На стене показалась еще одно увеличенное удостоверение.

Фабиан стал рассматривать два удостоверения на одно и то же имя, но с фотографиями разных людей. Каждое фото по отдельности не привлекало особого внимания, и если не знать, что это два разных человека, вполне можно было ничего не заметить. Вместо большой залысины мужчина стал брить голову наголо, под глазами у него появились мешки, а лицо стало немного шире. Вполне нормальные изменения в одной жизни с разницей в несколько лет. И только когда фото положили рядом друг с другом, все стало ясно.

– Как вы видите, первое удостоверение выдано 17 января 2008 года. 24 февраля этого же года в полицию поступило заявление о пропаже, – продолжил Эльвин. – Через неделю с небольшим было выдано новое удостоверение как раз накануне его смерти.

– Но, честно говоря, – сказала Тувессон, – это же все равно не может быть обычной практикой.

– Может, хотя наш парень продвинулся на шаг вперед. Замораживая свою жертву, он способен делать гораздо больше, чем брать займы и опустошать счета. Он может продавать произведения искусства, недвижимость и доли в праве собственности и таким образом получать совсем другие суммы.

– А мы знаем порядок цифр?

– По словам Рикарда Янссона из Торгового банка, он осуществил продажи и переводы примерно на шестьдесят мил-

лионов. Так что речь идет о гораздо большей сумме, чем может уместиться в копилке.

— Тогда нам надо отследить деньги и посмотреть, куда они попали, — предложила Лилья.

— Мы точно так и думали. — Утес сделал глоток кофе. — По сведениям Рикарда Янссона из Торгового банка, деньги были переведены на счет в Панаму, откуда они, похоже, ушли дальше на различные счета в регионах, с которыми у Швеции нет соглашений об экономическом информационном обмене, что делает невозможным их отследить.

— Давайте выйдем на немного более высокий уровень, чем этот Янссон, прежде чем окончательно сдадимся, — сказала Тувессон. — А что считают остальные? Фабиан, ты сегодня какой-то тихий, сам на себя не похож.

— Конечно, мы можем идти дальше вверх, — отозвался Фабиан, пытаясь выкинуть из головы мысли о том, как он останется один. — Но, по-моему, это пустая трата времени.

— Это почему?

— Мы имеем дело с преступником, который замораживает свою жертву и, словно паразит, поселившийся в животном-хозяине, присваивает себе жизнь этого хозяина, чтобы отнять у того все ценное. После этого инсценирует автомобильную катастрофу в Северной гавани, где ему удастся бесследно исчезнуть на глазах у всех свидетелей. Иными словами, он настолько хорошо подготовлен, что я с трудом представляю себе, что он мог упустить какой-то момент.

– Вопрос в том, что нам терять. – Тувессон встала. – Кстати, мы закончили? – Она повернулась к Утесу и Эльвину, и те кивнули. – Хорошо. Вы проделали потрясающую работу. Наконец-то пазл стал складываться, и поэтому мы должны продолжать работать под совсем иным углом. Фабиан и Ирен, насколько я поняла, вы собирались в Лунд на фирму «Ка-Чинг», чтобы больше узнать об этом пропавшем финансисте. Как там его зовут?

– Пер Кранс.

– Именно. Если вся эта версия верна, наверняка прореагировал не только Кранс.

– А нам не надо объявить его в розыск? – спросил Утес. – Ведь у нас есть его фото.

– Ты думаешь, есть шанс, что он разгуливает по городу, переодетый в Петера Брисе? – спросил Эльвин.

– К тому же мы теряем наше единственное преимущество, – сказала Тувессон. – В данный момент преступник чувствует себя в безопасности и, надеюсь, расслабился. Он думает, что все идет по плану, и понятия не имеет о том, что именно сейчас Брисе – жертва в расследовании дела об убийстве. Еще меньше он думает о том, что мы идем по его следу. И так должно быть, пока мы его не схватим. Иными словами, ничего об этом ни СМИ, ни кому-нибудь еще вне этой группы.

– Но мы же все время встречаемся с людьми, – заметила Лилья. – Что мы скажем на «Ка-Чинге»?

– Как можно меньше.

– Извините, разрешите мне слово?

Тувессон и остальные повернулись к Муландеру, который оторвал глаза от ноутбука. – Похоже, вы все исходите из одного предположения, с которым я не совсем согласен. – Он так низко сдвинул очки, что они только чудом держались на самом кончике носа. – Что свидетельствует о том, что он закончил?

– Ты считаешь, что он не остановится и сделает то же самое со следующей жертвой? Боже, почему мы об этом не подумали? – спросила Тувессон.

Муландер пожал плечами.

– Это же явно эффективный план.

– Но на шестьдесят миллионов можно вполне неплохо прожить, – заметил Утес.

– Нельзя, если хочешь сто или двести.

Муландер прав, подумал Фабиан. Это как с грабителем банка – нет никаких гарантий, что он уже не планирует следующий удар.

– Нам надо составить список потенциальных жертв с теми же исходными данными, – сказал он и почувствовал, как к нему возвращается энергия.

– Именно это я и сделал. – Муландер подключил свой ноутбук к проектору, и на стене появился список фамилий. – Эти мужчины зарегистрированы в северо-западной части Сконе. Их налогооблагаемый доход составляет мини-

мум тридцать миллионов.

– Ой, их правда так много? – спросила Лилья.

– Двадцать восемь человек. Надеюсь, список станет короче, когда мы проверим, кто из них сменил водительское удостоверение за последние полгода.

– Вот этот. – Утес взял у Муландера лазерную указку. – Хеннинг Чемпе, это ведь он открыл сеть универсамов «Сити Гросс»?

– Да. За счет этого его состояние выросло на 148 миллионов крон, – заметила Тувессон. – Но ему уже больше шестидесяти. Это ведь он пережил пожар и лишился одного уха?

Муландер провел быстрый поиск по имени, и на стене появилось множество фото Хеннинга Чемпе, у которого действительно не было правого уха в результате ожога. – Хорошо, его мы вычеркиваем. – Он вычеркнул имя из списка.

– То же самое с ним. – Лилья взяла лазерную указку и показала.

– Ханс Кристиан Свенссон. Кто это? – спросила Тувессон.

– Он больше известен как Крис Даун – композитор, который написал массу хитов. Достаточно включить радио, и с большой вероятностью вы услышите его мелодию.

– А почему его надо вычеркивать?

– У него есть семья. И жена, и дети. По-моему, двое детей.

Муландер повернулся к Тувессон, которая, подумав, кивнула, и Криса Дауна тоже вычеркнули из списка.

– Вот уж не знал, что ты так интересуешься сплетнями, –

заметил Утес со смехом.

– Не интересуюсь, но иногда мне приходится стричься.

– О'кей, времени у нас в обрез, – сказал Муландер. – Кого еще вычеркнем?

Все за исключением Фабиана покачали головами. Он снова не слышал ни одного слова из того, что говорили другие, поскольку целиком сосредоточился на одном имени в конце списка. Хотя впервые он услышал это имя меньше суток назад, оно уже врезалось ему в память.

Он не должен был так сильно удивиться, увидев в списке этого человека. Естественно, возможно и вполне логично, что состоятельный коллекционер Алекс Уайт может быть следующей жертвой преступника. Он не только сказочно богат и без семьи, но и примерно одного возраста с Петером Брисе, и у него такое же узкое и немного долговязое тело.

Но не поэтому Фабиан отгородился от всего вокруг и приглушил голоса коллег до сплошного отдаленного бормотания, которое невозможно разобрать. Нет, перед глазами у него стояла Соня. Соня и ее последние слова.

Чао-какао.

– Почему ты не позвонила и ничего не сказала? – Магнус прикрепил ленту оцепления к одному из столбов, на которые так сильно натянули рифленую пластмассовую крышу, что она треснула. – Пойти сюда совершенно одной. – Он покачал головой и сделал новую попытку: – А что... Это могло кончиться чем угодно.

Дуня, которая шла на другой конец двора с рулоном клейкой ленты, остановилась и повернулась к нему.

– Магнус, я знаю, что ты просто хочешь как лучше. Но скажу честно. Как, по-твоему, это помогло бы, если бы я тебе позвонила? Ты бы не согласился оставить свою пиццу ради того, чтобы начать собственное расследование и пойти против четкого приказа Иба. Поправь меня, если я ошибаюсь.

Магнус хотел было возразить, но передумал.

– А если бы она была здесь? Что бы ты тогда сделала? Надеялась на то, что она еще раз промахнется?

Дуня повернулась к нему спиной и стала снова натягивать ленту оцепления.

– Дуня... – Магнус поспешил к ней и положил руку ей на плечо. – Я знаю, что все пошло совершенно не так. Но я оценил ситуацию как угрожающую и попытался сделать все, что в моих силах.

Дуня кивнула в ожидании, что он уберет с нее руку. Вме-

сто этого он заглянул ей в глаза.

– Поэтому мы вдвоем, а не по одиночке. И что бы ты обо мне ни думала, я сделаю все, что смогу, чтобы с тобой ничего не случилось. Так и знай.

Дуня опять кивнула и даже одарила его улыбкой.

– И вот еще что. Как бы ты ни хотела, ни ты, ни я не следователи по убийствам, – продолжил он. – Мы – полицейский патруль по поддержанию порядка. Наша задача – быть на виду и поддерживать порядок. Что является одним из самых важных основных столпов...

– Эй... Ты сам в это веришь или просто заучил наизусть? – со вздохом прервала его Дуня, хотя в каком-то смысле ей нравилось, что Магнус-размазня превратился в Магнуса-законника. Теперь она с чистой совестью может повернуться к нему спиной и пойти дальше с лентой для оцепления к перевернутой тележке из магазина. – Ты, как и я, прекрасно понимаешь, что если бы не я, он бы по-прежнему лежал здесь, а через неделю сгнил. – Она кивнула в сторону тела.

– Здесь полным ходом идет оцепление, как я вижу!

Дуня и Магнус повернулись и увидели двух одетых в гражданское следователей по делам об убийствах Сёрена Уссинга и Беттину Йенсен, которые шли по тесному проходу между фасадами.

– Привет, Дуня Хоугор. – Дуня подошла и поздоровалась.

Уссинг снял солнечные очки, похожие на летчицкие, сдвинул их на волосы и протянул Дуне руку. Потом повер-

нулся к Йенсен, которая еще больше располнела с тех пор, как Дуня видела ее последний раз.

– Это ведь та, которую уволили в Копенгагене.

– Ты имеешь в виду ту, которая подделала подпись начальника. – Йенсен перевела взгляд на Дуню. – Точно, это она. – Она расплылась в улыбке, обнажившей желтые от никотина зубы, и зашла за оцепление вместе с Уссингом.

– Тело лежит вон там. – Дуня поспешила за ними, чтобы показать дорогу, пытаясь убедить себя, что самое главное – следствие, а не ее личное мнение о следователях.

– Послушай, думаю, мы прекрасно справимся без твоей помощи, – сказал Уссинг.

– Разумеется. Я только хотела показать, что я...

– Было бы замечательно, если бы ты вышла за оцепление, – прервала ее Йенсен, еще раз обнажив свои желтые от никотина зубы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.